

0207
ЛЮДИ И ЖИЗНЬ

Золотая
ЦЕПОЧКА

56-161

ЛЕОНИД АГАКОВ

Золотая ЦЕПОЧКА

Повесть

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
Чебоксары Чувашской АССР

Чувашское Государственное Издательство
Чебоксары — 1956

K-66348

Национальная библиотека
Чувашской Республики

1

Знойным летним полднем на старой деревянной колокольне дежурили два закадычных друга — Ванюшка Долбин и Илька Кузин. Колоколов здесь не было, и оба мальчика не помнят, когда их сняли. Если придется звонить — надо бить железным болтом по куску рельса, который подвешен к перекладине.

Отсюда, с высоты, видно далеко. С одной стороны к селу подходит густой, зеленолистый лес; за околицей желтеют полотнища жнивья; тихо течет узенькая речка, в которой водятся окуни, а раз Ванюшка поймал там на жерлицу даже щуку.

— Хорошо в глухом углу жить, — сказал Долбин, поглядывая на пустынные проселки. — Без большака оно все-таки спокойнее.

— Из-за другого это, — поправил Илька. — Их боятся, — и кивнул в сторону леса.

Они снова уселись в тени простенка. Солдаты из чужой, иноземной армии давно не показывались в этих местах, и в Дубовке их не ждали. Делурство, правда, ребята несли исправно, как полагается: время от времени из-под ладоней осматривали всю округу. На дорогах не было ни

души. Только пробежала чья-то бездомная собака и скрылась в бурьяне...

Гитлеровцы появились в Дубовке почти два года назад и сразу же завели свои порядки. На некрашенных заборах то и дело появлялись приказы—один грознее другого,—и каждый заканчивался одинаковой угрозой: расстрел. Почти все жители были ограблены—у кого взяли хлеб и корову, у кого одежду и овец, пристрелили гусей; школу, где учились Ильяка и Ванюшка, сожгли; спалили дом бригадира, в котором его жена не открывала засов, а хозяйку бросили в огонь.

Раз шесть приезжали зеленые немецкие грузовики с солдатами и офицерами. На этих машинах увезли из села многих людей. Домой из них никто не возвращался, лишь доходили слухи, что расстреляны за непокорность врагу. Машины приходили только днем, и солдаты держали автоматы наготове. Свиреп и жесток был чужеземец, но ни угрозами, ни даже смертью он не мог сломить советских людей, и дух свободы не покидал их сердца. И Дубовка стала метить.

Еще когда вдали слышались тяжелые артиллерийские раскаты и кровавые отблески говорили о приближении врагов, каждая семья в Дубовке—кого могла—проводила в партизаны. Теперь их отряд был где-то в лесах, нередко налетал на обозы, маленькие гарнизоны, сжигал мосты на дорогах и рвал железнодорожное полотно. Однажды партизаны отбили обоз с хлебом, награбленным в Дубовке; потом фашисты нашли убитыми своих «уполномоченных», собиравших молодежь для отправки в Германию; а дубовского команданта неизвестно кто утащил ночью прямо из постели. Едва после этого сюда снова примчались

зеленые грузовики, и солдаты еще не успели вылезти из них, с разных сторон загрохотали пулеметы, затрещали выстрелы, над головной машиной разорвалась граната... В панике и суматохе удрать удалось немногим.

Немцы перестали заглядывать в Дубовку, и село вновь стало жить как прежде: колхозом. Гитлеровцы назначили старосту, но это был свой, советский человек, и он учил лишь получше припрятывать оставшееся добро, ему из леса присылали сводки Совинформбюро и он рассказывал, как движутся на запад советские полки. Староста, чтоб неожиданно не нагрянули фашисты, на ночь выделял патрули, а днем установил дежурство на колокольне.

— Живем как на острове,—говорили дубовцы.—Может так и до своих продержимся.

Об этом же сейчас думали и двое дежурных на колокольне.

— Слышал?—спросил Илька.—Возле Михайловки наши под откос еще один поезд пустили. Шестьдесят вагонов—в щепки!—Он произнес это таким тоном, будто сам был там.

— Дай-то бог,—ответил Ванюшка, как часто говорил его дед.—А про вчерашние дела знаешь?

— А что?—повернулся к нему Илька.

— На станции ни одного склада не осталось.

— Кто сказал?

— Дядя Семен ночью приходил. Наши самолеты, сказывает, прилетали, все вдрызг разнесли.

— Теперь фрицы еще злее будут. Неужто наши не скоро придут? Боюсь, Ваня, не доживу я.

Безотрадно было Ильке... Отца его расстреляли фашисты, мать тяжело избили, и она недавно умерла. Сам он здоровьем слаб, а теперь стал

еще печальней и задумчивей. Ванюшка относился к нему участливо: делился куском хлеба, испеченной на костре картошкой, рыболовным крючком и скрученной на окуней леской.

— Ну, вот еще,—сказал Долбин.—Перестань хандрить. Наши придут, тогда и здоровье поправишь, и учиться опять будем.

Илька пододвинулся ближе к другу.

— Знаешь, Ванюшка,—сказал он тихо и торжественно.—Не поверишь, может, а я тебе правду скажу, истинную правду... Почти каждую ночь я во сне солдат наших вижу. Будто прогнали они фашистов с нашей земли начисто... А один раз тот офицер раненый приснился. Помнишь, когда наши отходили, однажды человек двенадцать у нас ночевали, а командир сильно хромал... Утром, перед тем как уйти, он еще нам с тобой сказал: «Ничего, ребятки, не тужите, мы вернемся!» И на память мне звездочку оставил... И вот, теперь как будто он приехал к нам. Разговаривали мы о чем-то... Почему бы это, а?

— А потому, что мы каждый день и каждый час думаем о них, всем сердцем ждем,—ответил Ванюшка.

Друзья умолкли. Снова стали тихо.

И в этой тишине они уловили неясный, но знакомый гул. Летели самолеты.

— Наши!—Илька кинулся к проему.

Но нет, в голубом небе летели два «фоккевульфа» с черной свастикой на крыльях.

— Разведчики, местность высматривают.

— Партизан, наверно, ищут...

Пронзительно-истощный звук падающих бомб не дал Ильке договорить. Колокольня, казалось, вздрогнула, закачавшись от взрыва.

— Сигнальить!—Кузин ударил в рельсу.

— Какой толк? Все знают...

Самолеты снова сделали заход, поливая деревню свинцом. Люди поспешно прятались в погреба, канавы, блиндажи.

— Бежим!—крикнул Илька.

— С поста?—резко оборвал Долбин по праву старшего.

Илька снова метнулся к проему.

— Ой!—вскрикнул он, побелев.

Ванюшка увидел тоже: по дороге мчались всадники...

— Дзинь! Дзинь! Дзинь!

Но никто не слышал сигнала: летчики начали пикировать.

Всадники скакали галопом, подняв облако пыли, и неизвестно, сколько было их. Они примчались к околице.

Ванюшка швырнул болт, и ребята торопливо бросились вниз по узкой и шаткой лестнице.

II

— Мама! Мамка! Где вы? Немцы! Бежать надо!

Не найдя никого во дворе, Ванюшка забежал в дом. Было пусто. Он выскочил в огород. Тесно прижавшись друг к другу, мать, две сестренки и маленький братишка сидели в щели, вырытой за сараем.

— Вылезайте быстрее... фрицы... бежать надо!—как и подобает старшему в семье, мужчине, повелительно распорядился он.

Мать посмотрела на него расширенными от страха глазами.

— Бомбят ведь...

— Скорей!

Дрожащими руками он стал вытаскивать сестрёнок, но в это время услышал за спиной немецкую речь. Ванюшка обернулся и увидел двух солдат, бегущих прямо на него. На груди у них болтались черные автоматы.

— Попались!—с ужасом подумал Ванюшка.— Теперь — всё, не спасешься...

Действительно, уже не было никакой возможности ни бежать, ни спрятаться. Окружив деревню, немецкие солдаты не выпускали никого. Они обшарили дома, огороды, мякинники, амбары, погреба, подвалы, чердаки, выловили всех спрятавшихся и согнали на площадь перед старой церковью. Собралось около двухсот человек. Тут были и старики, опирающиеся на палки, и женщины с грудными детьми, и подростки. В толпе не было ни одного мужчины, способного носить оружие: все они партизанили.

Чувствуя недоброе, люди, пугливо озираясь, жались друг к другу. А вокруг них плотной стеной стояли гитлеровские солдаты в страшных рогатых касках.

— Что же теперь будет? Что они хотят с нами делать?— думал каждый. Но никто ничего не знал...

Народ молчал. Если начинал плакать ребёнок, ему зажимали рот. Чтобы заглушить кашель, старики закрывали рот ладонью, рукавом.

Молчали и гитлеровцы. С тупым спокойствием они смотрели на свои беззащитные жертвы.

— Ничего, мамка, ничего,— приглушённо шептал Ванюшка,— подержат да отпустят... Ты не волнуйся,— успокаивал он, а про себя думал: «Неужели расстреляют? Нет, не может быть, не может... За что?»

В конце улицы показался запылённый длинный автомобиль. Он въехал на площадь и резко остановился перед толпой. Кроме шофёра, в машине было ещё двое: один—низкого роста, толстый, в пилотке; другой—поджарый и длинный, как жердь. На нем была высокая фуражка с кокардой.

— Начальство,—сообразил Ванюшка.

Долговязый был командиром нагрянувшего карательного отряда. Едва он вышел из автомобиля, как к нему подвели оседланного серого жеребца. Офицер взялся за луку, поставил ногу в стремя и неуклюже вскочил в седло. Презрительно взглянув на толпу, он некоторое время сидел точно каменный. Грудь его была увешана орденами и медалями, среди которых чёрной воронёной сталью поблескивал «железный крест».

— Да-а... Это, видно, здоровый шакал,—подумал Ванюшка. Он слышал, что такими крестами Гитлер награждает самых отчаянных головорезов.— Этот не зря приехал... Ну, погоди, может тебе и берёзовый крест подарят.

Проходили минуты, а офицер сидел на лоша-

ди попрежнему каменным истуканом. Но вот он повернулся в сторону солдат, видимо, чтобы отдать приказание, и на груди его что-то ослепительно сверкнуло. Ванюшка подумал, что это орден. Но, взглядевшись, увидел на левой стороне груди долговязого массивную золотую цепочку.

Привстав на стременах, офицер подал какую-то команду. Солдаты быстро выстроились в два ряда, образовав между собой проход. Тогда офицер повернулся к толпе.

— Служай, ви, скот! Зечас все ходить поле... Туда... лес,—напрягая голос до визга, закричал он.—Пошель... Шнель!.. Быстро!

Не понимая, почему их хотят выгнать в поле, люди смотрели то на офицера, то друг на друга. По толпе прошёл сдержанный гул, кто-то придушённо плакал.

Лицо долговязого перекосила злоба. Он снова приподнялся на стременах:

— Что я говориль? Не понимайте? Я говориль—всем итти поле... лес! Ви есть партизан, вам место—лес... Ваш хауз... теревня... ми пуф-пуф!.. Понимайт? Пожар, сгореть!.. Ви иди лес! Там жить... Пошель!

Он ещё раз что-то крикнул солдатам, и те принялись гнать народ, толкая прикладами. Младшая сестрёнка спросила Ванюшку:

— Куда мы идём?

— В лес.

— Там ягоды будем собирать?

— Если найдём—будем...

— И немцы пойдут с нами?

— Видишь—идут...

Услышав разговор, маленький Саша попросил:

— И мне малины нарвите... Очень мне малины хочется...

Ванюшка не заметил, как рядом с ним очутился Илька. Ещё час назад, на колокольне, Илька выглядел гораздо лучше. И без того худой, теперь он вдобавок сгорбился.

— Ты чего это так перепал?—установился Ванюшка на друга.

— Боюсь,—сознался Илька.—Убивать ведут...

Ванюшка и сам думал об этом. Но уж так повелось, что он говорил Ильке только успокоительные слова.

— Не убьют. Причины нет.

Но на этот раз ободрение не подействовало.

— Гитлер приказал убивать каждого русского...

— А ты и поверил?—осуждающе спросил Ванюшка.

— Мне умирать не хочется...

— Не умрёшь, только не канючь... Мы ещё вон того долговязого достанем...

Пленники миновали околицу, вышли в поле. Ехавший впереди офицер осадил коня и снова отдал команду.

— Сто-ой!—закричал кто-то позади по-русски.

Толпа послушно остановилась. Все смотрели на сухопарого. Каждый знал, что от него, и только от него, зависит судьба этих двухсот человек. Должно быть, понимал это и сам долговязый. Он горячил коня, и конь под ним танцевал. На груди седока, ударяясь, звенели медали, и ослепительно блестела на солнце золотая цепочка.

— Форвертс!.. Вперьод!—неожиданно заорал он, указывая нагайкой в сторону леса.— Быстро!

Толпа беспорядочно двинулась, свернув с дороги на сжатое поле.

С каждым шагом в сердцах людей росла надежда, что им удастся добраться до леса. «А, может быть, они и взаправду хотят нас только выгнать?»

Поверил в это и Ванюшка. Он на секунду обернулся: там нестройными рядами стояли солдаты.

III

Опираясь на палки и тяжело вздыхая, брели старики; цепляясь за подола матерей, стараясь не отстать от старших, трусили ребяташки.

И чем ближе подступал лес, тем быстрее шагали люди. Вот уже триста метров отделяет их от него... Нет, уже не триста, а двести пятьдесят... Повинуясь привычке убежать от опасности, люди, без сговора ускоряли и ускоряли шаг и, когда до опушки осталось совсем близко, толпа, охваченная чувством, в котором смешались упоительная надежда и дрожащий страх, бросилась бежать.

И вдруг сзади грянул залп... Сотни светящихся пуль врезались в бегущих, и поле огласилось душераздирающими криками. Слились в сплошной треск автоматные очереди... Окровавленные люди падали, судорожно цепляясь за жнивье, а тот, кто пока уцелел, продолжал бежать, надеясь на спасение. Но ни одному человеку не удалось добраться до леса.

Кровавая расправа продолжалась минуты три-четыре. Ванюшка лежал, плотно припав к земле. Пули визжали над головой, ложились сбоку и спереди, поднимая пыль. Когда умолкла стрельба, он решился поднять голову—и страшная картина представилась его глазам: люди, его дорогие и близкие, несколько минут назад мечтавшие о спасении, лежали бездыханно. Кто-то

рядом судорожно хрипел, видимо, захлебываясь кровью. Он видел, как их соседка пробовала подняться. Ей удалось встать на колени, но она не удержалась и рухнула лицом в жёсткое колючее жнивье. Ванюшка переводил взгляд, но не находил матери, сестёр и братишки.

Наконец, он их увидел... Мать лежала в пяти шагах, лицом вверх. Левая её рука была откинута, а правая лежала на маленьком Саше, который свернулся комочком, точно выпавший из гнезда птенец. Старшая сестрёнка лежала шагах в двух от матери, а младшая застыла, уцепившись за подол материнской юбки.

Забыв об осторожности, Ванюшка, опираясь на локти, пополз к своим. Надежда, что кто-нибудь из них ещё жив, не покидала его. Но это была только надежда.

— Убийцы! Изверги!—исступлённо закричал Ванюшка, привстав на колени и потрясая руками.

Это было его ошибкой. Зверь не понимает проклятий. Пуля летит быстрее звука, и короткую автоматную очередь Ванюшка услышал уже после того, как ему нестерпимо обожгло правый бок. Он медленно повалился, успев почувствовать под своей щекой мягкие и ещё тёплые ножки Саши.

— Конец и мне...

Но это было ложное ощущение страха перед смертью, вызванное первыми приступами нестерпимой боли в боку. Полежав, Ванюшка почувствовал во рту сладковатый вкус и ноющую боль в правой щеке. Осторожно, боясь выдать себя, он медленно провёл ладонью по лицу. Она густо покрылась кровью. Вторая пуля прошла чуть ниже виска, разрезав кожу.

Ещё никогда Ванюшке так страстно не хотелось жить...

— Только бы темноты дожждаться...

И Ванюшка лежал, то впадая в тяжёлое забытие, то снова возвращаясь к действительности.

Он не мог бы даже приблизительно сказать, сколько времени прошло с тех пор, как фашисты открыли огонь: может быть, десять минут, а, может, и несколько часов. Ни стонов, ни криков больше не было слышно, и над полем застыла зловещая тишина.

И вдруг Ванюшка услышал шорох. Чуть приоткрыв глаза, он понял, в чём дело. Это шли немецкие солдаты, шурша сапогами по сухому жнивью. Впереди, в той же величественной позе, ехал на лошади долговязый офицер.

Ванюшка плотно сомкнул глаза. По редким выстрелам он догадался, что фашисты добивают раненых.

Два солдата прошли настолько близко, что едва не наступили ему на ноги. Его спасла заекшаяся у виска кровь.

...Очнувшись, Ванюшка не сразу сообразил, где находится. Он попробовал приподняться, и боль в боку сразу напомнила обо всём. Наверное, он долго находился в забытии. Ночная прохлада влила живительную струю в его ослабевшее тело.

— Надо бежать!— сверлила голову одна мысль.— Надо бежать!..

Собрав всё своё терпение, он привстал на колени. На поле, на этом кладбище без могил, было тихо и страшно.

— Бежать! Бежать!

Но уйти не мог. Осторожно, чтобы не бередить рану, он опустился на колени, бережно, как бы

боясь причинить боль, приподнял голову матери и поцеловал её в холодные губы.

— Прощай, мама! И ты Маринка, прощай, и ты, Сима... Саша, братик... За всех я буду мстить... Прощай!—и Ванюшка беззвучно и без слёз заплакал.

— Бежать! Бежать!

Но бежать не было сил. С трудом переставляя ноги, он пошёл к лесу, обходя трупы. Около одного наткнулся на суковатую палку. Он поднял её и сразу узнал, кому она принадлежала. Этот посох многие годы носил отец председателя колхоза дед Андрей.

Опираясь на палку, идти стало легче. Уже совсем рядом тёмный лес, который укроет его.

Неожиданно он помимо своего желания остановился. В двух шагах от него лежал труп. Ванюшка нагнулся над ним, и горький комок подкатился к горлу. Это был Илька. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене правую ногу—точь-в-точь так, как они любили лежать после купанья на мягкой траве в тени тальника. Лицо у Ильки было спокойное и строгое, а глаза широко открыты, как будто он и мёртвый продолжал смотреть на мир, который так любил.

— Прощай, Илька... Прощай, друг...

Вот и лес...

Обессиленный Ванюшка сел на широкий пенёк и взглянул в сторону Дубовки. Она догнала....

IV

Весть о том, что гитлеровцы сожгли Дубовку, быстро донеслась до отряда «Смерть фашистам». Отобрав несколько человек, командир сам повёл их к селу. Большинство партизан этой группы сос-

тряло из дубовцев, у которых дома оставались родители, жёны, дети.

Марш был стремительным. Охваченные тревогой, партизаны шли быстро, без отдыха, не чувствуя усталости.

Дубовки они не нашли. На её месте чернели груды потухших углей и битого камня. Обгоревшие деревья, точно чёрные скелеты, протягивали к небу как бы застывшие в предсмертных судорогах искривлённые сучья. Только по уцелевшим печам с покосившимися трубами можно было догадаться, где стояли дома.

Но самое страшное ждало партизан в поле... В немом молчании партизаны обнажили головы, отдавая последний долг погибшим.

Лица их, и без того суровые, стали грозными. Над полем стоял удушливый запах. Радуюсь предстоящему пиршеству, в воздухе с криком носилось вороньё.

Партизаны принялись хоронить убитых. Но это им не удалось—напали немцы. Вероятнее всего, что каратели устроили засаду.

Завязалась перестрелка. Количественный перевес карателей заставил партизан отступить к лесу. На опушке они наскоро окопались и приняли бой. Немцы несколько раз пытались атаковать горстку партизан, но, потеряв около десятка солдат убитыми и ранеными, атаки прекратили. Воспользовавшись этим, партизаны начали отходить вглубь леса. Один из них заметил под невысоким раскидистым кустом орешника труп подростка. Партизан наклонился, всмотрелся в измазанное кровью лицо подростка и сказал:

— Я этого паренька знаю... Ванюшка... Марьи Долбиной сын...

— Как он сюда попал?

— Да вот, не спросишь теперь,—и он прислонился ухом к груди мальчика.—А ведь дышит! Ей-ей дышит!

В партизанском отряде «Смерть фашистам» стало известно, что в лесу подобран лежащий без сознания дубовский мальчик Ванюшка Долбин. Было ясно, что он каким-то чудом спасся от вражеской пули, и все ждали, когда услышат от него хоть несколько слов о последних минутах своих родных.

А Ванюшка был плох. От потери крови он настолько ослаб, что отрядный фельдшер сомневался в благополучном исходе.

— Будем надеяться,—говорил он осаждавшим его дубовцам.

К вечеру Ванюшка открыл глаза. Он кое-что, и то неясно, припомнил из пережитого вчера, но никак не мог сообразить, где находится сейчас. Осмотревшись, он понял, что лежит в какой-то землянке, на нарах, устроенных из жердей и прикрытых душистым сеном. Он попробовал было приподняться, но тут же опустил, почувствовав резкую боль в боку и гулкий звон в ушах. Понемногу боль начала стихать, пропадал и надоедливый звон в ушах. Ванюшка это скорее понял, нежели почувствовал. Ему показалось, что он слышит за стеной какой-то разговор.

Он не ошибся. Разговаривали двое. У одного, повидимому, пожилого человека, был надтреснутый бас, а другой говорил тоненьким, почти детским голосом. Пожилой рассказывал:

— Вчера они, говорят, ещё две деревни сожгли...

— А не слышал, дядя Иван, какие?

— Как будто Погодино и Зайцево... Жителей,

говорят, вот так же выгнали в поле и расстреляли... В огонь, слышь, многих побросали.

— А кто это говорил, дядя Иван?

— Разведчики с задания вернулись,—продолжал пожилой.—Говорят, в городе стоит специальный отряд, а командует им настоящий кровопийца—обер-лейтенант... Они даже фамилию называли... вроде как бы Генрих Шварц...

— Шварц...—проговорил молодой.—Шварц? Это по-нашему чёрный...

— Правильная, выходит, у него фамилия... Чёрная кровь в его жилах течёт... Наши его видели, а ухлопать не удалось. Длинный, сухопарый. Вся грудь в крестах да медалях.

Ванюшка понял, что люди говорили о том самом офицере, по приказу которого убили его односельчан... Закрыв глаза, он увидел его как живого, в мельчайших подробностях... Вот этот изверг сидит на коне, точно каменный истукан, наслаждаясь мучениями советских людей... А вот лицо его перекосилось от злобы и бешенства.

Он кричит, размахивает нагайкой... На груди блестит золотая цепочка...

Воспоминания утомляют. Разговор за стеной смолк. Тишина действует благотворно, и Ванюшка впадает в легкое забытие... Вот перед его глазами опять, как живой, стоит Генрих Шварц. Он все такой же—в серо-зеленом мундире, в высокой фуражке с кокардой. Только вместо медалей на

грудь у него один большой берёзовый крест, а вместо цепочки болтается петля из толстой варовой верёвки...

— Ну как,— слышит Ванюшка тихий, вкрадчивый шопот,— поправляется?..

— Плохо, милоч,— таким же шопотом отвечает кто-то. Ванюшке показалось, что он слышал где-то этот голос, но где именно—припомнить не может. Ванюшка открыл глаза. Перед ним, склонившись, стоял их сельский фельдшер Фёдор Иванович—старичок с узким лицом и белый, клинышком, бородой, которого, за его пристрастие к нежному слову, в селе звали Милок. Позади фельдшера стоял широкоплечий человек с большой чёрной бородой. Ванюшка узнал и его. Это был Иван Смелов—кузнец из соседней деревни.

Увидев, что больной открыл глаза, Фёдор Иванович обрадовался.

— Вот и хорошо! Ай, как хорошо!

— Воды... пить,—попросил Ванюшка.

— Сейчас, сейчас, милоч,—заторопился Фёдор Иванович.

Ванюшка без отрыва, не переводя дыхания, выпил полфляги сладкого остуженного чаю.

— Спасибо...

— Спасибо будем говорить после, милоч, когда выздоровеем,—улыбнулся фельдшер.—Спасибо тебе, что жив остался.

— Куда это я попал?

Вместо ответа фельдшер спросил:

— Меня узнаёшь?

— Узнаю... Фёдор Иванович...

— Ну, вот и всё, милоч. Значит, не у чужих ты. У тебя даже и родные есть тут...

— Кто?—в слабом его голосе Фёдор Иванович услышал и удивление, и радость.

— Дядя.

— Какой?

— А какие дядья бывают? Материн брат.

— У меня их три...

— Знаю, милоч, знаю. Только здесь-то не Иван и не Павел, а Семён Петрович.

Теперь Ванюшка понял, где он находится. Его дядя Семён Петрович Коробов был начальником штаба партизанского отряда «Смерть фашистам».

«Дядя Семён не бросит меня... Может быть, и в отряд ещё возьмет...»—подумал Ванюшка.

А Фёдор Иванович, как будто угадывая его мысли, продолжал:

— Золотой души человек. Уж не говорю, что как орёл храбрый... И любят же его у нас, как отца родного... Ну, лежи, я сейчас,—неожиданно оборвал свою речь Фёдор Иванович, выходя из землянки.

Сидевший до сих пор молча на каком-то обрубке чернобородый партизан подошёл к нарам. Его суровый вид никак не вязался с ласковым голосом, каким он заговорил.

— Очень больно, сынок?

— Когда спокойно лежу—не очень,—ответил Ванюшка.

— А... разговаривать силы есть?..

— Есть...

— Я вот хотел тебя спросить... В Дубовке жила моя дочь Катюшка... Власовы фамилия им...

— Знаю, дядя Иван...

— Ну так вот,—продолжал партизан,—у неё трое детей... Не видал ли ты их?

Ванюшка молчал. Он вспомнил, как после первого же залпа колхозная доярка Катя Власова, широко расставив руки, точно слепая, прошла несколько шагов, и так, с распростертыми руками, рухнула на жнивье. Но сказать об этом кузнецу он не смог. Как бы от переутомления, он закрыл глаза и, когда открыл их снова, увидел кузнеца около двери в землянку. Кузнец надевал кожаную фуражку и о чём-то говорил сам с собой. Первых слов Ванюшка не разобрал, но он отчётливо слышал: «Ну погодите! Узнаете вы Ивана Смелова!»

Отодвинув рукой плащпалатку, заменявшую дверь, Иван Смелов хотел выйти, но в узком земляном проходе столкнулся с Фёдором Ивановичем, вслед за которым шёл ещё человек. Ванюшка сразу узнал своего дядю. Он заметно похудел, оброс колючей бородой, глаза его были воспалены от жары и бессоницы.

— Ну, вот и хорошо!—стараясь ослабить свой громовой голос, проговорил дядя, подходя к Ванюшке.—Теперь не пропадем. Ты, племяш, не беспокойся. Фёдор Иванович дал честное партизанское слово, что поднимет тебя на ноги. А партизанское слово—крепче стали...

Увидев дядю, Ванюшка как-то сразу ожил. Ему хотелось сейчас встать и, как он это делал раньше, прыгнуть дяде на колени и потрепать его за длинные волнистые волосы, в которых прятались тонкие серебристые ниточки. Забыв про рану, Ванюшка попробовал приподняться.

— Ой, ой!—вскрикнул Фёдор Иванович.—Так нельзя!.. Вот, товарищ начштаба, заранее

заявляю, что не беру на себя никакой ответственности, если пациент не будет слушаться,—с улыбкой добавил он.

— Будет, будет слушаться! А я ему за это кое-что подарю,—сказал дядя.

— А чего?—по-детски любопытно спросил племянник.

— А чего ты хочешь?

— Автомат!—высказал свою заветную мечту Ванюшка.

— Нет, вот это пока могу,—ответил Коробов, вынимая из кармана плитку шоколада.—А об автомате не беспокойся... Автомат у тебя будет, только выздоравливай... Автомат тебе нужен...

И хотя Ванюшка ещё неясно понимал скрытое значение последних слов, он почувствовал, что с этого дня его маленькая судьба стала частицей большой судьбы партизанского отряда.

V

Дубовские леса сильно мешали гитлеровцам. Завладевшее ими партизанское соединение было по существу полным хозяином района. Все попытки немцев подчинить себе население окрестных сёл и деревень ни к чему не привели. Народ научился обороняться и во-время принимал меры предосторожности. Повсюду было установлено наблюдение за дорогами, по которым немцы могли войти в село или деревню. Стоило только наблюдателям обнаружить противника, как всё население укрывалось в лесах, и немцы входили в безлюдные населённые пункты. Иногда им, впрочем, удавалось обмануть население, как это случилось в Дубовке. Да и не в одной Дубовке. Фашистское командование отдало приказ—сжигать дотла прилегающие к лесам сёла и деревни, а население

их, как заражённое духом партизанской борьбы,—уничтожать. Почти ежедневно какая-нибудь деревня превращалась в груды пепла.

Но если карателям сравнительно легко было выжечь деревни и справиться с безоружным мирным населением, то партизаны попрежнему оставались для них грозной силой. Не проходило дня без того, чтобы неуловимые народные мстители не наносили урона гитлеровцам. Немецкое командование вынуждено было перейти к решительному наступлению на партизан, стянув для этого в район дубовских лесов значительные силы.

Партизаны это знали. Теперь это были уже не отдельные, разрозненные группки и отряды, а хорошо слаженный боевой организм. Все отряды были подчинены единому командованию, которое в свою очередь подчинялось областному подпольному партийному центру.

Отряд «Смерть фашистам» жил напряжённой боевой жизнью. Через своих разведчиков командованию стали известны планы немцев. Эти планы полностью подтверждали и данные штаба партизанского соединения.

Пока немцы готовились к наступлению, партизаны ещё деятельнее готовились к их встрече. Они заминировали места наиболее вероятных направлений вражеских атак, устроили «волчьи ямы» на пути предполагаемого движения танков. Каждое партизанское подразделение получило свой участок и, в случае самой последней необходимости—направление для отхода вглубь лесов.

Эта ночь в лесу прошла без костров. Лес молчал. Хрупкую тишину изредка нарушали своим хохотом филины да негромкое ржание лошадей.

Бой начался утром. Противник, развернувшись в боевой порядок, скошенным пшеничным

полем подошел к лесу. Командовавший этой группой экспедиции Генрих Шварц выглядывал из прорезей броневика. Он приказал подразделениям остановиться и, сверившись с картой, дал команду артиллеристам открыть огонь.

Снаряды и мины рвались сначала в мелком кустарнике на опушке, затем взрывы постепенно начали уходить вглубь леса. К опушке подползали автоматчики, за ними стрелки и пулемётчики. Шагов за сто от опушки, они открыли огонь из ручного оружия. Лес гулким эхом отражал трескотню автоматов, дробный стук пулемётов, глухие удары винтовок.

На стрельбу никто не отвечал. Создавалось впечатление, что партизаны ушли отсюда. Осмелевшие стрелки во весь рост пошли дальше. И в этот момент из кустов затрещали автоматные очереди. Ошеломленные внезапным огнем партизан, немецкие стрелки залегли и, оставляя убитых и раненых, начали отползать назад.

Первая атака была отбита. Через полчаса немцы предприняли вторую, и она также захлебнулась.

Тогда Генрих Шварц приказал новому подразделению автоматчиков при поддержке танков начать наступление с правого фланга. Там было мелколесье, в большинстве осинник.

На этом участке обороной руководил начальник штаба Семён Коробов. С полсотней партизан он залёг в укрытиях и поджидал врага. Вскоре из-за деревьев показались три танка. Они шли, подминая под себя кустарник, ломая мелкий осинник и непрерывно стреляя из пушек и пулемётов. Казалось, не может быть силы, способной остановить движение этих стальных крепостей.

Но это только казалось. По борту первого

танка ударила пушка, и неизмеримой силы чудовище, только что ломавшее деревья, беспомощно остановилось, охваченное огнём. Вторую машину подбил из противотанкового ружья Иван Смелов. Видимо сообразив, что оставаться в одиночку— это значит принять на себя весь огонь партизан, третий танкист круто развернул машину и сразу ухнул с ней в «волчью яму». Немцы отступили.

В последних лучах заката угасал партизанский маятный день. Наступающая ночь не сулила уставшим партизанам отдыха. Они до утра строили новые укрытия, закладывали мины на танкоопасных направлениях, рыли «волчьи ямы».

Но утром фашисты не атаковали. С восходом солнца над лесом начали кружиться несколько «юнкеров». Они беспорядочно сбрасывали бомбы и обстреливали чащи леса из пулемётов. Партизанам было ясно, что это ведётся подготовка к новому, ещё более сильному наступлению.

VI

Когда начался бой, Ванюшка спал. Разбуженный первыми взрывами снарядов, он открыл глаза и увидел у столика Фёдора Ивановича, готовящего бинты.

— Кажется, стреляют?— возбуждённо спросил Ванюшка.

— Стреляют,— спокойно ответил фельдшер.

— Кто?

— А кто воюет, тот и стреляет: и они, и мы,— не отрываясь от работы, тем же тоном объяснил Фёдор Иванович.— На войне так, милоч, без стрельбы не обойдёшься. Только ты не бойся, мы с тобой под землёй: нас не достанут.

— А я и не боюсь.

— А коли не боишься—поспи ещё часок.

Где-то недалеко от землянки разорвался тяжёлый снаряд. Стены задрожали, с потолка посыпалась земля.

— Шалишь, брат. Рыло коротко, до нас не доберёшься,—погрозил Фёдор Иванович, на минуту прервав работу.

Старик шутил. Делал это он для Ванюшки, чтобы тот не боялся и не волновался. Ванюшка показывал вид, что не замечает наивной хитрости фельдшера.

Бой длился больше часа. В дверь землянки заглянул узенький луч солнца. Ванюшка очень жалел, что не может быть сейчас вместе с партизанами. Вот Фёдор Иванович, этот милый старичок, шутит, улыбается, чтобы он, Ванюшка, не боялся... Но у него, только чудом вырвавшегося из лап смерти, нет страха. Дали бы ему автомат, он пошёл бы впереди других, чтобы бить и бить без конца этих зверей, сравнивших с землёй его родную Дубовку, убивших его родных... Кажется, ничего, жизни своей не пощадил, только бы отомстить за них!.. И это было уже не проявление детского задора, а мысли человека, возмужавшего в одну минуту перед лицом смерти...

За дверью крикнули:

— Фёдор Иванович, принимай раненых!

Спокойно перематывавший бинты, фельдшер встрепенулся и быстро вышел из землянки.

— Сюда, сюда вот,—распоряжался он, входя обратно.—Кладите осторожно.

Двое партизан внесли на носилках молодого, кудрявого парня. Ванюшка сразу узнал его. Это был ординарец командира отряда, приходивший вчера в санитарную землянку за дядей Семёном. Он был без сознания, лишь изредка тихо стонал.

Фёдор Иванович молча начал обрабатывать

раны. И только после того, как с помощью тех же партизан уложил раненого на нары, сказал:

— Да-а... Уж очень сильно его...

— Во время контратаки,—как бы оправдываясь, начал рассказывать молодой, с чёрным пушком над верхней губой, партизан.—Вплотную сошлись. Гляжу—из-за дерева фриц в Петьку целится. Я—к фрицу, но... не успел... Выстрелил тот...

— Ну, а...—начал Фёдор Иванович.

— Фриц-то?—догадался партизан.—Боюсь, автомат не повредил ли о его башку... Ну, пошли?—обратился он к товарищу.

Вскоре на носилках принесли ещё двоих. Один был пожилой, сидящий мужчина, другая—полнощёкая девушка.

— Ай-ай-ай! Как же это получилось?—в недоумении воскликнул Фёдор Иванович, узнав раненых.—Сразу и отца, и дочку!

— Так вот нескладно получилось,—морщась от боли, проговорил мужчина.

— Ну, а как там наши дела?

— Стоим!—уверенно ответил мужчина, как будто бы он и сейчас лежал в окопе и отражал атаки врага.—И стоять будем.

И как будто ослабев от этих нескольких сильно сказанных слов, раненый тихо попросил:

— Водички бы...

Чуть приоткрыв глаза, Ванюшка внимательно наблюдал, как работал Фёдор Иванович. И чем больше смотрел, тем больше он ему нравился. Скромный, незаметный, большой души человек на склоне лет добровольно остался в тылу, чтобы помочь партизанам в их борьбе с поработителями родины. Он уже не мог носить оружие и воевал теми средствами, которые были ему под силу.

Партизаны всей душой любили своего старенького лекаря. Был Фёдор Иванович из тех людей, у которых для каждого найдется и мудрый житейский совет, и слово утешения, и отцовская, утешающая боль, ласка.

И вообще, как много хороших людей вокруг! Вот этот раненый, Ефим Павлович. До войны он работал на пасеке, слыл на всю округу человеком тихим, безбидным. А началась война — на смертельное дело пошёл, да не один, а с дочерью...

Ванюшка лежал и думал о том, как война беспощадно изломала жизнь людей... Вот эта дочка пасечника, Антонина Ефимовна... Только за год до войны она окончила педагогическое училище, вернулась работать в школу и заочно училась в институте. Думала ли она, что ей когда-нибудь придется раненой в ногу лежать в сырой лесной землянке?

Луч солнца уже покинул землянку. Было за полдень, а бой не утихал. Время от времени снаряды падали совсем близко, и после каждого взрыва с потолка сыпалась земля.

Кудрявый парень попрежнему тихонько бредил. Пасечника Ефима Павловича мучила жажда, и он беспрестанно просил воды. Бодрее всех была его дочь.

— А ты не ворочайся, папа, и не думай о ране. Так легче,—старалась внушить она отцу.

Но Ефим Павлович, видимо, терял сознание и ничего не отвечал.

— Должно быть, не выдержит он, Фёдор Иванович,—упавшим голосом прошептала учительница.

— Выдержит... Поправится... — неожиданно для себя сказал Ванюшка. Он давно порывался сказать ей что-нибудь утешительное, но сдержи-

вался. А теперь вот, почувствовав, как задрожал её голос, не стерпел.

— Поправится,—повторил он.—Я тоже без сознания был, да вот поправляюсь...

— Это кто тут?—удивлённо спросила девушка.

— Паренёк один из Дубовки, раненый,—ответил Фёдор Иванович.—Ванюшка...

— Это—тот самый, который...

— Да, да, да!—перебил её скороговоркой Фёдор Иванович. Ему не хотелось, чтобы Ванюшке напоминали о пережитых ужасах.—Тот самый, начальника нашего штаба Семёна Петровича племянник.

— А, знаю,—поняв маневр Фёдора Ивановича, сменила тон девушка.—Долбин... Ну как, лучше ему?

— Слыхали, сам говорит: поправляюсь... Этот скоро встанёт.

Немного помолчав, учительница спросила:

— Тебе сколько лет, Ванюшка?

— Пятнадцать.

— В каком классе учился?

— Шесть кончил.

— Шесть?—она помолчала.—Вот война кончится—в седьмой пойдёшь.

— Там видно будет...

— Нет, Ванюшка,—глубоко вздохнув, сказала девушка.—Фрицы не вечно будут на нашей земле, и мы не вечно будем носить винтовки и автоматы. Я уже вижу то время, когда мы заживём так же, как жили. Нет, даже не так, а лучше... Ведь если бы не так, то зачем нам воевать? Зачем бы мы тогда переносили такие невзгоды, страдания? Именно вера в лучшее будущее и помогает

нам переносить всё это, она же ведёт нас на смертельный бой с врагом...

Учительница продолжала говорить, а Ванюшка слушал её и думал: «Как правильно она говорит!» Вот о том же самом, только, может быть, не такими словами говорил, приходя в Дубовку, дядя Семён; эти же слова он слышал от хмурого кузнеца Ивана Смелова, да и сам он думает об этом...

— Да ты осторожнее!—послышалось вдруг у входа в землянку.

— Я и так осторожно...

— Спускайся...

Фёдор Иванович по обыкновению хотел выбежать из землянки, но выход загородили два рослых партизан с носилками.

— Сюда, сюда!—указал Фёдор Иванович на широкую скамейку.

Партизаны бережно опустили ношу. На раненом была изорвана одежда, голова и лицо забинтованы. Он не стонал и не подавал никаких признаков жизни.

— Кто?—спросил Фёдор Иванович

— Наш, дубовский.

— Чей?

— Наш...—повторил партизан.—Дубовский...

— Ну, слышал, что дубовский, а чей, спрашиваю?

Партизан молчал.

— Что у тебя язык отвалится?—обиделся фельдшер.

— Отвалится, Фёдор Иванович,—дрогнул голос партизана.

Фёдор Иванович начал разматывать окровавленные бинты. Партизаны, Ванюшка и учительница смотрели, затаив дыхание. Вот фельдшер снял

последний слой марли, и все увидели безжизненное, до мелочей знакомое лицо начальника штаба...

VII

Жалко было каждого человека, которого убивали или ранили. Но Семёна Коробова в лагере жалели особенно.

Был он не только начальником штаба. Строгий, требовательный в строю, решительный и смелый в сражении, по-отечески ласковый у костра. Семён Петрович был как бы душой отряда. Сколько было с ним исхожено дорог, сколько сделано смелых налётов на врагов, сколько взорвано мостов и пущено под откос вагонов!.. И почти всегда, идя на эти суровые и рискованные дела, партизаны привыкли видеть впереди не молодого, но всегда бодрого и неутомимого Семёна Коробова.

Больше всех беспокоился о своем дяде Ванюшка. Увидев его мертвенно-бледное лицо, он приподнялся, но почувствовал такую нестерпимую боль в боку, что тут же снова лёг на спину и тихонько, без слёз, заплакал.

«Теперь я совсем один,—с болью в сердце размышлял он после того, как прошёл первый, всегда самый тяжёлый, приступ душевной тревоги.—Нет ни отца, ни мамки, ни дяди Семёна...»

А сколько самых радужных надежд зародилось у Ванюшки, когда он встретил здесь дядю Семёна. Парень уже видел себя с красной ленточкой на фуражке, с автоматом в руках и—чего не может случиться!—он идёт на самое опасное боевое задание...

И вот лежит теперь дядя Семён, как мёртвый. Лицо у него похудело и стало каким-то прозрачным, будто вылепленным из воска. Фёдор Ивано-

вич смыл с него кровь и теперь в задумчивости держал в руках большой бинт, видимо соображая, как искуснее его наложить на изуродованную голову раненого. Неожиданно он заметил на себе пристальный взгляд Ванюшки и, точно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Так-то вот... Осколками голову в трех местах поцарапало, а череп ни-ни... А при ранении в голову, даже при самом пустяковом, человек всегда лишается сознания.

Ванюшка понял, что Фёдор Иванович хитрит. А ему хотелось знать правду, и он спросил:

— А почему он не шевелится, Фёдор Иванович?

— Так и ты, милоч, не шевелился,—стараясь изобразить улыбку, ответил фельдшер.—Больше суток, как плаха, валялся. Приходят, бывало, партизаны, качают головой: «Не вытерпит». А я говорю: вытерпит, крепкий он. Вытерпел ведь?.. А Семён Петрович покрепче тебя будет.

Раненый чуть-чуть пошевелился и слабо проstonал.

— Дядя! Дядя Семён!—собрав все силы, крикнул Ванюшка.—Дядя Семён!..

— Лежи, лежи!—подбежал к нарам Фёдор Иванович.—Говорю, что всё в порядке. Лежи!

Тяжело дыша, в землянку вошёл Иван Смелов. Поздоровавшись и вытерев широкой ладонью потный лоб, он сел на обрубок дерева.

— Уж и тебя не стукнули ли?—глядя поверх очков, спросил Фёдор Иванович.

— Нет, не стукнули,—мрачно ответил кузнец.—Меня командир прислал до тебя...

— Насчет Семёна Петровича справиться?

— И это и другое... Приказ есть.

— Какой?—спокойно спросил фельдшер.

— Надо убирать отсюда раненых.

— А что? Разве...

— Да нет,—понял его кузнец,—не то... А впрочем, я не знаю. Есть приказ уйти в район Замошкина. Помнишь, весной были? Ефим Павлович тогда ещё говорил, что там для пчельников места хорошие.

— К нам туда самолёт с Большой Земли прилетал.

— Вот, вот,—подтвердил кузнец,—в то самое место. Но двигаться придётся не дорогой, а напрямик, через болота. Лишнего брать не велено.

Как ни старались разговаривавшие скрыть истинные причины ухода из дубовского леса, все поняли, что дела у партизан плохи. Бросив против них большие силы, немцы угрожали окружением. Но большой тревоги никто не испытывал: это бывало уже не раз.

— Ну как?—кивнул головой Смелов в сторону Коробова.

— Тяжело, но не безнадежно,—ответил фельдшер.

— Хорошо, коли так,—удовлетворённо произнёс Смелов.

Это втайне обрадовало Ванюшку. «А может быть, и правда он скоро выздоровеет»,—подумал он.

Согретый этой мыслью, Ванюшка закрыл глаза и вскоре заснул крепким, спокойным сном.

VIII

Перед вечером санчасть отряда вместе с обозом двинулась в направлении Замошкина. Колонну, растянувшуюся почти на километр, вёл Иван Смелов. До войны он часто охотился в этих лесах, и они ему были хорошо знакомы.

По узким просекам, по давно заброшенным тропам, сквозь чащи, обходя топкие места, Смелов увёл обоз до рассвета километров за двадцать. К восходу солнца подошли к глубокому оврагу, густо заросшему кустарником.

Хотя Иван Смелов и не умел читать карту, он сказал твёрдо, ничуть не сомневаясь:

— Здесь!

Партизаны распрягли лошадей, начали строить шалаши, рыть на склонах оврага землянки.

Ночью, лёжа в землянке Фёдора Ивановича, которую партизаны вырыли и оборудовали в первую очередь, Ванюшка услышал гул самолёта. Нетрудно было определить, что самолёт пролетел низко, над самой вершиной леса.

Когда гудение мотора затихло, Ванюшка подумал, что самолёт улетел. Но меньше чем через минуту гул послышался снова. Самолёт кружился над лесом.

— Выскивает, чортов фриц... Ещё бомбить, пожалуй, будет...

Фёдора Ивановича в землянке не было. Он куда-то уходил. Спустя полчаса он вернулся, весь обвешанный какими-то пакетами, ящиками и небольшими мешочками.

— Куда это вы ходили, Фёдор Иванович?

— Дело было, милоч, — ответил фельдшер.

— А тут самолёт пролетал. Видно, фрицы нас обнаружили...

— Нет, милоч, — широко улыбнулся Фёдор Иванович, — не обнаружили.

— А как вы знаете?

— Так уж и знаю. Видишь вот эти штучки? — указал он на принесённые вещи.

— Вижу.

— А откуда я их взял?

— Может, из обоза...

— Нет, не оттуда, милоч.

— А откуда же?

— Из Москвы!—почти выкрикнул Фёдор Иванович.—Тут такое богатство, что и не перечислишь.

От возбуждённого и радостного Фёдора Ивановича Ванюшка узнал, что самолёт был наш, советский, присланный в лагерь с Большой Земли. Партизаны заранее знали, в какое время он должен прилететь. Они разложили на большой поляне костры, и машина приземлилась. Из нее выгрузили оружие, боеприпасы, медикаменты и погрузили раненых во вчерашнем бою. Среди отправленных на этом самолёте были Семён Коробов и пасечник Ефим Павлович.

— В полном сознании был дядя-то твой,— рассказывал Фёдор Иванович, бережно укладывая принесённые вещи в угол.—Подозвал меня да и наказывает: «Ты присмотри за Ванюшкой, будь ему заместо отца...» А я отвечаю: «Не беспокойся, Семён Петрович. Не пропадёт, догляжу...» Так что должен я теперь наказ Семёна Петровича выполнить, а когда он вернётся—доложить по всей партизанской форме.

— А разве он вернётся?—спросил Ванюшка.

— Ещё как вернётся!

— А как же он найдёт нас, если мы на новом месте будем?

— Э, милоч! Об этом не беспокойся,—вынимая из ящика фонарь «летучую мышь», продолжал Фёдор Иванович.— Ты думаешь, если мы в леса забились, так о нас никто и не знает? Это ты неправильно думаешь. О нас и Москва знает!..

Ванюшка слушал и радостно улыбался...

Утомившись за день, старый фельдшер при-

лёг на нары и вскоре уснул. А Ванюшка ещё долго лежал с открытыми глазами. Ему не совсем было понятно, как это могут знать в Москве о партизанах, забившихся вглубь непроходимых дубовских лесов? Потом припомнился Илька... Вот, как живой, он сидит перед ним на колокольне и рассказывает про то, как видел во сне своих товарищей.

Нет, не дожил Илька до победы...

— А я всё равно доживу!—уверенно подумал Ванюшка.—Доживу! Мне нельзя умирать. Мне надо мстить! Мстить за мамку, за сестрёнок, за Ильку.

И уже охваченный дремотой, Ванюшка снова увидел его. На весь размах раскинув руки, Илька лежит на колючем жнивье...

IX

Пока на опушках шли бои, в глубине лесного массива кипела напряженная работа. Партизаны валили столетние дубы на дороги, просеки, тропы. Там, где могли пройти вглубь леса каратели, делались завалы и минные поля.

Отбивая атаки противника, партизаны со своей стороны готовили удар по нему. Для этого штаб соединения связался с подпольным областным центром, и тот подтянул к дубовским лесам другие соединения.

Три дня на окраинах дубовских лесов и кое-где в глубине их шли ожесточённые бои. Партизаны нанесли карательной экспедиции такой удар, что отскочили не только потрёпанные подразделения автоматчиков, но и танки, и броневики. Оставив на опушках посты наблюдения, партизаны ушли вглубь лесов. Не прошло и недели, как в новых местах выросли лагеря.

На склонах глубокого оврага, по дну которого протекал ручей, дубовские партизаны вырыли землянки. Стены в них оплели тальником, и в некоторые врубили срубы. Партизаны привыкли устраиваться на своей земле обстоятельно. В чаще задымили костры, на которых готовилась пища; лошади и коровы стояли в больших шалашах-сараях.

Однажды над лесом появился вражеский самолёт-разведчик. Он долго кружился близ лагеря, исчезал и появлялся вновь. Зорко, должно быть, всматривались гитлеровские пираты. Но под крыльями самолёта был только безграничный лес, надёжно укрывавший партизан.

За пределами лесов немцы перегруппировывали свои силы, готовясь к новым карательным походам. Не приостанавливали борьбы и партизаны. Ночами из лагерей по разным маршрутам уходили разведчики и группы минёров. Одни следили за передвижением немцев, собирали сведения об их намерениях, другие минировали дороги и мосты. На обочинах дорог терпеливо ждали появления вражеских обозов или колонн автомашин автоматчики и бронебойщики. И стоило только появиться оккупантам на дороге, как завязывался бой. Внезапность нападения помогала партизанам неизменно одерживать победу. Они каждый раз приносили в распоряжение лагерей богатые трофеи: оружие, боеприпасы, обмундирование, продукты питания и часто приводили «языков».

Старшие групп докладывали командирам отрядов о проведённых операциях. В этих случаях около штабных землянок собиралось много любопытных, не занятых делом партизан. Они с отвращением смотрели на пленных, которые так недав-

но были храбрыми в беззащитных деревнях, а теперь, чувствуя приближение расплаты, боязливо озирались по сторонам и угодливо, рабски отвечали на вопросы. Таким образом, сведения, собранные партизанскими разведчиками, командование уточняло через этих «языков» и имело полную картину того, что замышляют и делают враги.

Ванюшка Долбин любил ходить к штабной землянке своего отряда, когда к ней приводили «языков». Он всматривался в лица пленных, стараясь отыскать среди них виновников кровавой трагедии у дубовской околицы.

Здоровье его восстанавливалось. Через две недели он встал на ноги, начал приносить с кухни обед. Еду он носил для троих. Кроме него и Фёдора Ивановича, в землянке санчасти жила раненая учительница. Между Ванюшкой и Антониной Ефимовной установилась прочная дружба. Их объединяло то, что её отец был отправлен на Большую Землю вместе с дядей Семёном. Антонина Ефимовна—девушка небольшого роста, разрешила ему, по просьбе Фёдора Ивановича, называть её просто Тоней.

Сидя у землянки, они часто вспоминали про Ефима Павловича и Семёна Петровича.

— Как-то они долетели?—беспокоилась Тоня

— Долететь-то, наверное, долетели,—успокаивал её Ванюшка,—а вот как поправляются?

— Если долетели, их вылечат. Там хороших докторов много.

Случалось, что Ванюшка замолкал. Тогда Тоня спрашивала:

— Ты о чём?

— А вот думаю,—мечтательно отвечал он,—если бы туда письма посылать можно было

Появление в землянке Ванюшки и Тони коренным образом изменило жизнь Фёдора Ивановича. Он как будто помолодел, выглядел веселее и жизнерадостней. Семья его—жена и двое детей—в самом начале войны эвакуировалась на Восток, и Фёдор Иванович часто тосковал. Неудивительно, что теперь всю свою отцовскую нежность он перенёс на вихрастого подростка и миловидную девушку. Если Ванюшку он усыновил по просьбе Семёна Петровича, то Тоню удочерил без всяких просьб. Он оставил за собой право называть Ванюшку и Тоню не иначе как «детки».

Случалось и так, что останется Фёдор Иванович без дела. Тогда он надевает очки в черепаховой оправе и долго-долго читает. А потом закроет книгу и спросит:

— А не пора ли нам, детки, пообедать?

Или принесёт сводку Совинформбюро и опять скажет:

— Почитаем, детки, сводку...

Для чтения сводки из землянки выходили. Около неё в это время всегда сидело десятка два партизан, пришедших узнать новости с Большой Земли.

— Вчера Красная Армия,—читал Ванюшка,—освободила ещё четыре города и четыреста других населённых пунктов. Сбито сорок восемь фашистских самолётов.

— Если дела будут идти так, то скоро войска придут и в наши края,—заметил Иван Смелов.—Сделаемся тогда мы, партизаны, безработными.

— Дай-то бог!—отвечал ему Фёдор Иванович.—Без этого ремесла как-нибудь проживём.

Теперь в дубовском отряде никто, пожалуй, лучше Ванюшки не знал о событиях на фронтах. Сводки Совинформбюро принимал радист отряда,

и Ванюшка познакомился с ним. Он каждое утро уходил к радисту с тетрадкой, в которой аккуратно записывал: на сколько километров и на каком фронте продвинулась Красная Армия на Запад, сколько освободила городов, сёл и деревень, какие взяла трофеи, сколько уничтожила вражеской техники. У землянки часто можно было слышать его голос:

— Фёдор Иванович! Тоня! За последние пять дней Красная Армия прошла с боями девяносто километров, сбила в воздушных боях 118 самолётов противника, уничтожила 242 танка.

— А сколько взято трофеев?—спрашивал Фёдор Иванович.

— 1246 автомашин, 59 самолётов, 450 орудий, 300 тысяч снарядов.

— Вот, если бы каждый день столько трофеев брать,— с восхищением говорила Тоня.

— Подожди, будет и больше,—отвечал Фёдор Иванович таким тоном, как будто знал какую-то тайну.

Однажды Ванюшка списывал у радиста очередную сводку. В это время дверь отворилась, и на пороге показалась девушка в гимнастёрке, с немецким пистолетом на левом боку.

— Здравствуйте!—сказала она.—Как дела?

— Здравствуйте, товарищ комиссар!—ответил радист.

— Сводка принята?

— Так точно, товарищ комиссар,—по-военному отчеканил радист, подавая сводку.

— Я не дописал ещё...—Ванюшка просительно поглядел на радиста.

— А для чего тебе нужно?—заглядывая в Ванюшкину тетрадь, спросила комиссар.

— Знать хочется, интересно...—смутившись, пробормотал Ванюшка.— Я вот списываю, а потом про всё читаю Фёдору Ивановичу, Тоне и другим.

Она взяла тетрадку, перелистала несколько страниц.

— Оказывается, ты давно ведёшь свою бухгалтерию. Хорошее дело делаешь. Это у тебя настоящая «арифметика победы». Молодец!

Она внимательно посмотрела на Ванюшкину левую руку на перевязи. Спросила:

— А как у тебя со здоровьем?

— Уже поправился... Фёдор Иванович ходить не запрещает.

— Если так,— сказала

девушка-комиссар,—то можно поручить тебе одно дело?

— Пожалуйста, если смогу...

— Ещё как сможешь,—подбодрила она.— Я дам тебе бумаги и разноцветных карандашей. Ты будешь каждый день крупными буквами писать сводки Совинформбюро по несколько штук и в разных местах лагеря развешивать их, чтобы партизаны читали. Хорошо?

— Ладно.

— А потом ещё одна работа есть.

— Какая?

— Будешь ходить по лагерю и читать партизанам газеты.

— И это ладно.

С тех пор Ванюшка стал в отряде настоящим агитатором. Он очень подружился с девушкой-комиссаром, которую тоже звали Тоней, Антониной Васильевной. До войны она была секретарём райкома комсомола, а с приходом немцев ушла к партизанам.

Новые обязанности нравились Ванюшке. Они занимали у него много времени, отвлекая от дум, которые тяжёлым грузом лежали на сердце в часы вынужденного безделья.

Задания Антонины Васильевны он старался выполнять как можно аккуратнее. По утрам ходил к радисту, готовил несколько экземпляров сводки и вывешивал их на деревьях, где для этого топором были сделаны затёсы. Потом он уходил в подразделения и читал газеты, привезённые самолётом. Вскоре в отряде Ванюшку знал каждый партизан.

— Эй, Информбюро! Иди-ка, расскажи новости.

— А чем интересуется?

— Известно — чем... Скоро ли дойдём до Берлина, да Гитлер не повесился ли?..

— Время придёт—дойдем и до Берлина, а Гитлер ещё не повесился: ждёт, когда мы его повесим,—под дружный хохот отвечал Ванюшка.

Антонина Васильевна не раз хвалила его. Ванюшке было приятно сознавать, что теперь в отряде он — не обуза, а равный со всеми боец, вкладывающий посильную долю своего труда в дело великой борьбы за освобождение родины от иноземных захватчиков.

Х

В тихую ночь на большой поляне близ от лагеря, образуя квадрат, горели четыре костра. Постепенно нарастая, в воздухе послышался гул авиационных моторов. Самолёт стал кружить над лесом. Внезапно вспыхнувшие в чернильной темноте ночи два ярких прожектора быстро приближались к кострам,— и вскоре по траве катился тяжелый самолёт.

Партизаны его очень ждали. Специальная команда сразу же приступила к разгрузке машины. Одна за другой подъезжали телеги, на них укладывались ящики со взрывчаткой, патронами, минами, автоматами и медикаментами. Были тут также тюки с махоркой, мылом, бельём и ещё одна, пожалуй, самая ценная посылка из советского тыла — сумка с письмами. В прошлый раз, когда в соединение прилетал первый самолёт, на Большую Землю было отправлено много партизанских писем. И вот теперь пришли ответы.

С окончанием выгрузки, началась погрузка раненых на самолёт. Постелив на пол сенные матрацы, партизаны укладывали на них выбывших из строя товарищей.

Прилёт второго самолёта внёс в жизнь партизан много радостного волнения: повсюду слышались слова благодарности за присылку боеприпасов, за трогательное внимание к нуждам партизан в махорке, белье, мыле. Но особенную, ни с чем не сравнимую, радость принесли письма.

Многие партизаны с начала войны ничего не знали о своих родных, как и живущие на Большой Земле ничего не знали о своих отцах, братьях и сыновьях. Не одно материнское сердце надрывалось в безутешном горе, не одна мать считала погибшим отца своих детей, и не одно девичье сердце сжималось от боли при мысли о своём пропавшем друге. А теперь письма рассказали обо всём.

Партизаны по несколько раз перечитывали дорогие строчки, читали не только сами, передавали письма другим, делясь своими радостями.

Ванюшка обходил группки партизан и вслушивался в слова, прилетевшие с Большой Земли. Вместе со всеми он радовался хорошим вестям и втайне завидовал счастливым. Он ждал новостей от дяди, но его письма не было.

— Ты пойми-ка, друг,—говорил молодой боец пожилому.—За два дня до войны у меня родился сын. Я едва успел дать ему имя. Назвали мы его Виктором... А ты знаешь, что означает Виктор?

Собеседник отрицательно покачал головой.

— Виктор—это победитель. Так вот, этот самый шпингалет теперь уже ходит, показывает на мою фотографию и говорит: папа... Вот, читай, если не веришь...

— А мой сын,—дождавшись своей очереди, рассказывал пожилой,—под Сталинградом воевал, два ордена получил. Ранили его. Из госпиталя на побывку к матери заезжал и опять теперь

на фронте... Старуха моя всё, как есть, прописала.

— А у меня,—вступил в разговор третий,—до войны отец года три с печки редко слезал. Вырастил, говорит, шестерых сыновей, довольно теперь, пусть кормят отца с матерью. А когда мы все шестеро ушли на войну—слез старик с печки. Почти самый молодой он в деревне из мужиков—то остался, шестьдесят пять лет ему, ну и выбрали председателем колхоза.

— Старики—не диво,—перебил рассказчика четвёртый, рябоватый партизан, держа в руке листочек бумаги, сложенный треугольником.— Две девчонки у меня растут. Одной—семнадцать, другой—пятнадцать, и обе окончили ФЗО. Сейчас на заводе работают, с Украины откуда-то к нам привезли этот завод. Сложная, пишут, техника, а ничего—освоились.

И, как бы желая документально подтвердить успех своих дочерей, партизан развернул листок и зачитал: «А работаем мы, тятенька, во фронтовой молодёжной бригаде и норму выполняем почти вдвое».—Даже не верится, что у меня такие девчонки стали.

Ванюшка возвращался от радиста с очередной сводкой Совинформбюро. Заметив группу партизан с письмами в руках, он подошёл к ним, чтобы прочитать им новости, но услышав разговоры о доме, о родных, решил не мешать. Вести с Большой Земли волновали и его. Присев на траву, он слушал разговоры партизан до тех пор, пока их не позвали к командиру отряда.

У санитарной землянки его встретил сияющий Фёдор Иванович.

— Ты не видел Тоню?—спросил он.

— Нет, а что?

— Очень нужна. До зарезу, как говорят...
Письмо для неё передали.

— Какое?

— С Большой Земли. Отец, Ефим Павлович, пишет.

— Отец?!—Ванюшка весь загорелся.—Где письмо?

— А на что оно тебе? Ведь прислано Тоне.

— Мне про дядю хочется узнать...

— Это я понимаю. Но до прихода Тони придётся подождать, милоч. Нельзя чужие письма читать, это нехорошо. Тоня обидеться может.

— Не обидится... Я скажу, что не утерпел.

Фёдор Иванович заколебался.

— Ну, делай, как хочешь. Только перед Тоней сам будешь в ответе.

Ванюшка вскрыл письмо и начал читать вслух.

«Дорогая моя доченька Тоня! Во-первых строках сообщаю, что мы благополучно перелетели линию фронта. Правда, немцы обнаружили нас и стали бить по самолёту из зениток, но никаких повреждений сделать не могли...»

— Ну вот и хорошо!—облегчённо вздохнул Фёдор Иванович.—Читай дальше...

«На рассвете мы приземлились на аэродроме под Москвой. К самолёту сразу подъехали санитарные машины с врачами. Нас вынесли из самолёта и положили в санитарки. Я лежал у окна, и мне всё было видно. Нас везли через Красную площадь, мимо мавзолея Ильича. Это было очень рано утром. Вот, думал я, в Кремле, наверное, и спать не ложились—работают. Обидно было мне и моим товарищам беспомощно лежать на носилках...»

Ванюшка на минуту остановился.

— Читай, читай дальше,—подгонял Фёдор Иванович, вытирая ладонью влажные глаза,—не останавливайся.

«Через неделю к нам в госпиталь,—продолжал дрожащим от волнения голосом Ванюшка,—навестить нас приехал сам Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Он обошёл все палаты, поговорил с нами. Меня расспросил, чем я занимался до войны, как попал в партизаны, расспрашивал о бое, в котором меня ранило. Он хорошо знает об этом бое и сказал, что партизаны здорово растрепали карательную экспедицию и готовятся к новым делам. Вот какая забота у нашей партии и правительства о партизанах. Я обещал Клименту Ефремовичу прислать после войны сотового липового мёда. Он сказал, что запомнит это и будет ждать».

Но известия, которых ждал Ванюшка, не обрадовали его. Ефим Павлович писал, что Семёна Петровича последний раз видел на аэродроме, что был он в тяжёлом состоянии. «После этого я его не видал и очень о нём беспокоюсь»—заканчивал Ефим Павлович свои сообщения о Ванюшкином дяде.

Он протянул письмо фельдшеру.

— Дочитывайте сами...

Фёдор Иванович молча дочитал письмо.

— Плохо с дядей... Едва ли он жив...

— Ты не горюй, милоч, не горюй,—успокаивал Фёдор Иванович,—ничего с ним не случится. Видишь, как товарищ Ворошилов заботится.

— А всё-таки мне кажется, что дядя помер,—настаивал Ванюшка.

— Это у тебя, милоч, от нервов.—Фёдор Иванович сел рядом с Ванюшкой.—Ефим-то Павлович не знает, а я знаю, что Семёна Петровича по-

везли в другую больницу, чтобы скорее помощь оказать. Я, Ванюшка, человек старый, тридцать лет фельдшером работаю и понимаю, что к чему делается.

Ванюшка хотя и молчал, но чувствовалось, что слова Фёдора Ивановича подействовали на него успокаивающе.

Из-за деревьев на самодельных костылях вышла Тоня. Рядом с ней шла девушка-комиссар.

— Ну, что у вас нового?—спросила она, обращаясь одновременно и к Фёдору Ивановичу, и к Ванюшке.

— Нового много, Антонина Васильевна,—ответил фельдшер.—По всему лагерю новости. А тебя, Тонечка Ефимовна, поздравлять следует.

Он вынул из кармана письмо.

— Мне? Мне? Фёдор Иванович! Мне?—запрыгала от радости Тоня.

Она даже не обратила внимания, что письмо было распечатано, и глаза её быстро забегали по строчкам.

— А ты что, герой, хмурый?—спросила Антонина Васильевна Ванюшку.

— Да беспокоится насчёт Семёна Петровича,—ответил за него Фёдор Иванович.

Он вкратце рассказал о том, что написал про Ванюшкиного дядю Ефим Павлович.

— А чего же тут беспокоиться? Ты подарки дяде готовь—всё равно приедет. А лучшим подарком будет, знаешь что?—спросила Антонина Васильевна.

— Что?

— А то, чтобы ты к его приезду совсем поправился, стал бодрый, весёлый, а не такой бука...

— Ладно,—недовольно ответил Ванюшка.

— Значит, договорились?

— Договорились... Разве вы не уговорите,— всё ещё хмуро, но с явным лукавством ответил Ванюшка.

XI

В отряде шли очередные приготовления. Шорники шили сбрую, сапёры отбивали на стальных бабках лопатки, минёры проверяли мины и медные трубочки детонаторов.

Группами под деревьями сидели автоматчики. Они неторопливо чистили своё оружие, перетирали тряпками патроны, набивали ими спирали круглых дисков и вешали их себе на пояса. Любая тяжесть для воина, как и для всякого человека,— есть тяжесть. Но тяжесть автоматных дисков для партизана не обременительна. Это—желанная тяжесть, придающая силу и уверенность.

Отряд «Смерть фашистам» готовился к большой операции. Через свою разведку и «языков», через местное население партизаны установили, что в сорока километрах от лагеря на станции фашисты организовали большие склады и завезли на них много вооружения, боеприпасов, обмундирования. Партизаны увидели в этом заманчивую цель и начали готовиться к захвату и разгрому этих складов.

В землянке санитарной части жизнь шла своим чередом. Фёдор Иванович уже давно приготовил своё хозяйство. Он укомплектовал несколько сумок с перевязочным материалом и медикаментами для санитаров подразделений и развесил их по стенкам землянки. Ванюшка иногда посматривал на них и думал, что вот в этих сумках, в их изготовлении заложена частичка и его труда.

Среди ночи Фёдора Ивановича вызвали в штаб. Он оделся и ушёл. Ванюшка лежал на спи-

не, прислушиваясь к ночным шорохам. Он думал о своём дяде, о матери, о погибшем Ильке и о многом другом, о чём думается в пятнадцать неполных лет.

Фёдор Иванович вернулся, пересмотрел сумки и, присев на край нар, задумался.

— Вы почему не спите?—спросил Ванюшка, выглядывая из-под одеяла.

— Некогда, милок, дело есть... Подготовиться велели.

— Разве отряд пойдёт куда-нибудь?—без признака какой-либо заинтересованности, спросил Ванюшка.

— Пойдёт, милок, пойдёт. Большое дело затеали. В штаб меня позвали. Думали, что я не готов. Нет, брат, шалишь! Я всегда готов!

— А когда пойдёт?

— Вот этого я не знаю. Разве командир скажет? Да и на что нам знать? Мы же никуда не пойдём: я переспел, а ты ещё зелен. Спи давай!..

И хотя Ванюшке очень хотелось поговорить, чтобы кое-что выпытать у старика, он больше не приставал с вопросами. Он старался заснуть, но в голове одна за другой кружились мысли, и сон не шёл.

«Сколько горя принесли нам фашисты!—думал Ванюшка.—Все им мстят, а я хожу по лагерю да газеты читаю. Разве это дело? Ведь поклялся же я отомстить за своих... Ильке поклялся...»

Ванюшке хотелось хотя бы раз пойти на операцию с какой-нибудь группой партизан, но едва он заикался об этом,—ему отказывали. Было обидно выслушивать отказы, и Ванюшка утешал себя только тем, что в это время проводились такие операции, для выполнения которых отбирались самые опытные люди.

Утром стало известно: отряд готовится идти подрывать склады на станции. Ванюшка сильно обрадовался, втайне надеясь принять участие в этой операции. Он никому не высказывал своей заветной мысли, боясь, что если откроет её раньше времени, то командир рассердится и откажет. Он решил обратиться к командиру только тогда, когда сборы будут заканчиваться.

Первая и последняя, лёгкая, почти неощутимая обида на Фёдора Ивановича вошла в сердце Ванюшки. «Почему он не сказал мне о времени выхода? Ведь знал. Хитрый старик... Нас, говорит, не возьмут... Тебя, может, не возьмут, а меня могут и взять», — размышлял он, сидя в землянке.

Заслонив собою свет, на пороге появились два молодых партизана. Через плечи их были перекинута крест-накрест пулемётные ленты с патронами, на спинах, стволами вниз, висели короткоствольные карабины, а на ремнях — гранаты-лимонки.

— У вас готово, Фёдор Иванович? — спросил один из них.

— У меня всё давно готово. И вообще запомните, что моё хозяйство всегда готово, — не без довольства ответил Фёдор Иванович, снимая со стены сумки.

Ванюшка вышел из землянки вслед за партизанами.

Когда те несколько отошли, он спросил:

— Уходите?

— Уходим. Пожелай нам, хлопец, счастья... Идём на большое дело.

— Счастливо воевать! — сказал Ванюшка не раз слышанную в лагере фразу.

Убедившись, что времени терять не следует, он направился прямо к штабной землянке и, по-

стучав в дверь, вошёл. За столом стояли три человека, склонившихся над картой. Еще двое сидели на нарах и курили. Все пятеро, точно по команде, повернулись к двери.

— Товарищ командир!—вставая по команде «смирно», заговорил Ванюшка.—Разрешите обратиться.

— Ну,— ответил командир, перевернув карту,— говори.

— Вы сейчас идёте на операцию?

— Допустим, что так.

— И я хочу с вами..

Все улыбнулись. Улыбнулась и Антонина Васильевна, которая вошла вслед за Ванюшкой.

— А для чего?—спросил командир.

Ванюшка смутился. Он никак не ожидал этого вопроса и, лишь подумав, ответил:

— Как для чего? Для того же, для чего и все идут.

— Правильно отвечаешь, партизан Долбин! Очень правильно! Только на эту операцию я тебя не возьму.

— Почему, товарищ командир?

— А вот это неправильно,—тем же серьёзным тоном заметил командир.—Командир знает, что он делает и у него не спрашивают: зачем, почему и куда.

И, обращаясь к Антонине Васильевне, спросил:

— Ну, как?

— Всё готово, Николай Васильевич.

— Хорошо!

Командир посмотрел на часы, перевёл взгляд на поникшего Ванюшку и на этот раз тихо и мягко сказал:

— Так вот, дорогой, не могу сейчас я тебя

взять... Иди пока к Фёдору Ивановичу и помогай ему.

— А что случилось?—спросила Антонина Васильевна.

— Воевать захотел наш агитатор,—улыбнулся командир.— А по-моему ему немножко следует обождать... Но я обещаю тебе, партизан Долбин, что на следующую операцию обязательно возьму тебя. Интересная будет операция: Генриха Шварца хотим посмотреть... Уж очень нам хочется взглянуть на этого Генриха Шварца!..

XII

Теперь Ванюшка жил одной мечтой—мечтой об операции, на которую обещал взять его командир. «Эх, попался бы мне этот Генрих Шварц!»—думал он.

Но осуществление мечты откладывалось. Отряд не вернулся не только через два дня, но и через неделю. Хуже всего, что от ушедших на операцию не было никаких вестей, и оставшимися на базе овладевало возраставшее беспокойство.

На седьмой день после ухода отряда, вечером, к Фёдору Ивановичу зашли два пожилых партизана. Это было обычное явление. Вход к Фёдору Ивановичу не был никому запрещён, и партизаны, особенно пожилые, заходили к фельдшеру без всякого дела, просто потолковать.

Ванюшка уже «приземлился», как он теперь говорил, пытаюсь заснуть. Но это ему не удавалось. Чтобы навлечь на себя сон, он старался ни о чём не думать, несколько раз пересчитал до ста, как учила его Тоня, но и это не помогало. Вообще за последнее время он спал очень плохо, всё время о чём-то думая.

Разговор между фельдшером и партизанами зашёл на волновавшую всех тему.

— Почему же они всё-таки задержались?— начал Фёдор Иванович.— Уж не попались ли в руки этого самого Шварца?

— Нет, не может быть. Не вслепую пошли. Николай Васильевич—человек опытный, в армии батальоном командовал...

Толковали и так и сяк, делали разные предположения, но загадка так и оставалась неразгаданной.

— Слух есть, что если завтра не возвратятся, то заместитель командира пошлёт разведку.

Молча свернув цыгарки, партизаны продолжали разговор.

— Говорят, что этот самый Шварц по всем деревням развесил объявления.

— Какие?—поинтересовался фельдшер.

— Зовёт молодёжь к себе на службу, в полицейские отряды. Сулит паёк, обмундирование, жалованье, каждому коня. Одним словом — райское житьё.

— Ну, житьё — житьём, а кто же к Шварцу пойдёт?

— Шкуры не найдутся, по-твоему?—возразил партизан, сообщивший эту новость.— Найдутся! Мало из тюрем выпускали хулиганов, воров, головорезов разных?..

— А, ведь, пожалуй,—вздыхнул Фёдор Иванович.—Найдутся мерзавцы...

— Говорят, Шварц уже создал небольшой отряд полицейских. Пьют подлецы, бесчинствуют, грабежом занимаются.

— А сказать правду — смешно всё это... Разве может армия держаться на ворах да пьяницах?

Ведь это всего-навсего вонючий воздух. Дунет ветер посильнее — и нет вони...

— Это так! А всё же зло берёт. Вешать таких надо.

— Время придет — повесят!

Поговорив ещё об отрядных делах, партизаны ушли.

— Чего только не услышишь, чего не увидишь в жизни, чего не переживёшь,—вздыхнул опять Фёдор Иванович. Он потушил коптилку, лёг на нары и, уставший за день, быстро уснул.

А Ванюшка всё ещё лежал с открытыми глазами. Точно в кино, которое он очень любил смотреть, перед ним воскресали картины недалёкого прошлого... Вот перед ним опять, как наяву, стоит долговязый Шварц. Ванюшка как будто даже слышит звон его медалей. Ослепительно блестит на груди золотая цепочка... Вот он въезжает в Дубовку на автомобиле. Потом садится на коня и превращается в истукана... Задыхаясь от жары и обливаясь потом, идут в последний свой путь дубовцы... Опять Шварц... Он отдаёт страшную команду... Падают мать, падает он сам... А это кто лежит с открытыми голубыми глазами?..

— Илька! Илька!

— Ты чего, сынок?—спросил проснувшийся Фёдор Иванович, но убедившись, что Ванюшка кричал во сне, успокоился и снова впал в чуткое забытьё.

Наутро старый и малый проснулись вместе. Малый сходил с котелком к ручью, принёс холодной воды, умылся и, как всегда, до завтрака ушёл к радисту.

За завтраком он, как бы ни с того ни с сего, спросил:

— А далеко отсюда до города, Фёдор Иванович?

— Точно не знаю, но километров тридцать-то будет.

— Как выйдешь на большак, повернуть налево?

— Как налево? Направо... А для чего это тебе?

— Вот я всё думаю, почему наши не возвращаются? Уж, не заблудились ли?

— А где им заблудиться-то, глупый ты человек, — рассмеялся фельдшер.

— А в лесу. Лес-то вон какой!

— Глупости говоришь, милоч. Заблудиться тут никак нельзя.

— Это вы, пожалуй, зря говорите, Фёдор Иванович, — настаивал Ванюшка. — Не ровен час...

— Ну где, спрашиваю, тут заблудиться? — доказывал Фёдор Иванович. — Иван Васильевич рассказывал мне... По самому дну оврага надо пройти километров пять. Потом будет трехугольная такая полянка, а на ней, в самой середине, растут две сосны. Вот от этих сосен сразу надо пойти вправо, через лес, километра два и выйдешь прямо к Замошкину. А там, пожалуйста — тракт, большак прямо до города... Ну, где же тут заблудиться-то, чудака ты человек?

— А всё-таки не идут, — вздохнул Ванюшка.

— Да, не идут, милоч...

После завтрака Фёдор Иванович пошёл в лес собирать лекарственные травы. Почти каждый раз он брал с собой и Ванюшку, объясняя ему, какая трава от какой болезни помогает. Парень любил такие походы, но на этот раз сказал, что у него ещё не переписаны сводки — и не пошёл.

Вернулся Фёдор Иванович к полдню. Разве-

сив пучочки травы для просушки, он зашёл в землянку, разделся, посидел на нарах и вдруг на стене увидел записку. Не торопясь, он снял её и, подойдя к открытой двери, начал читать:

„Дорогой Фёдор Иванович! Спасибо Вам за всё хорошее, за Вашу заботу, за то, что вылечили меня. Мне очень хорошо было с Вами, но сейчас я не могу здесь оставаться. Сердце моё больше не терпит. У меня есть план, и я, передайте это товарищу командиру, этот план выполню, чего бы это мне ни стоило. Может быть, я ещё вернусь когда-нибудь, и мы увидимся. Еще раз спасибо Вам, Фёдор Иванович, за всё, за всё хорошее. Не ругайте и не сердитесь на меня.

Любящий Вас *Ваня Долбин.*”

Фёдор Иванович не верил себе. И только когда прочитал записку во второй раз, понял, на что решился его воспитанник.

— Вот это штука! Удрал!

Фёдор Иванович присел на порог и долго сидел в раздумье. Неожиданно он вспомнил разговор за-завтраком и сердито хлопнул себя по лбу:

— Одурачил! Вокруг пальца обвёл! Ах я, старый дурень! Ведь дорогу-то я сам ему указал...

XIII

В день побега Ванюшка отошёл от лагеря километров пятнадцать. Чтобы не сбиться, он шел не торопясь, всё время придерживаясь тех указаний, которые ему удалось выпытать у старого фельдшера.

Ванюшке было неловко за свой поступок. Ему жалко было ласкового Фёдора Ивановича, Тоню и всех партизан. Он начал даже раскаиваться, несколько раз порывался вернуться, но какое-то более сильное чувство, чем воля и ра-

зум, влекло и влекло его вперёд. Этим чувством была жажда мести.

Выбравшись на большак, он пересек его и решил идти просёлками, чтобы не попадаться на глаза чужеземцам. Он обходил и деревни. Лишь одну, окружённую глубокими оврагами, он не мог миновать. Но всё обошлось хорошо: немцев здесь не было. Свои же люди встретили сочувственно, накормили...

По дороге Ванюшке изредка попадались встречные прохожие. И если спрашивали, куда он идёт, отвечал заученной фразой:

— Деревня наша выгорела, а в городе у меня дядя живёт, сапожник. Вот он и наказывал прийти мне... Сапожному делу обучить хочет...

Правды в этих словах было меньше, чем наполовину. В самом деле, в городе жил односельчанин Ванюшки, сапожник. Ванюшка хотел отыскать его, но совсем не затем, чтобы обучаться сапожному ремеслу, а чтобы на первое время устроиться на ночлег.

К полудню следующего дня с горки открылся вид на город. Каждый новый шаг приближал Ванюшку к цели, и с каждым шагом всё яснее и яснее вырисовывался город. Вот стала видна речка и железнодорожный мост через неё. В центре города зеленеют огромные купы деревьев: должно быть, парки или сады.

Сердце юного партизана забилося учащённей, когда он вошёл в город. «А вдруг схватят? Скажут, партизанский разведчик, и конец мне» — думал он, боязливо озираясь.

Но немцев нигде не было. Казалось, что город пуст, и в нём никто не живёт. Но как только Ванюшка прошёл под железнодорожной насыпью и ступил на пешеходный мост через речку, как перед

ним, точно из-под земли, выросли два солдата в потрёпанных серозелёных френчах и с автоматами на груди.

У Ванюшки пересохло в горле. Но солдаты не остановили его и лишь посмотрели вслед, о чём-то разговаривая между собой. Он удивился тому, как, оказывается, можно свободно пройти в город. Ванюшка не знал, что комендант отдал сторожевым постам приказ—в город свободно впускать всех, но из города не выпускать никого.

Дорога от моста круто сворачивала влево и вела по выбитой мостовой на гору, к городскому саду. Ванюшка вспомнил, как за год до войны он приезжал с отцом сюда на базар и долго любовался этим садом. За голубой решёткой ограды ветви яблонь гнулись под тяжестью румяных и сочных плодов до самой земли. Никогда в жизни он не видел столько яблок... А теперь решётка во многих местах проломлена, многие яблони посохли, ещё больше их вырублено.

Пройдя метров двести вдоль изгороди, Ванюшка увидел огромный чёрный крест.

— Постой,—начал припоминать он.—Ведь на этом месте стоял памятник Ленину...

Он постоял с минуту и понял, что крест вделан в постамент бывшего памятника.

— Одно слово — фашисты!—вполголоса произнёс он.

Поймав себя на том, что, рассматривая сад и крест, он задержался, Ванюшка ускорил шаг, чтобы быстрее разыскать квартиру односельчанина-сапожника, как где-то справа один за другим грохнули три выстрела. Послышался пронзительный женский крик, и из сада выбежала девушка. Она бежала навстречу Ванюшке и в десяти шагах от него упала навзничь.

Ничего не понявший Ванюшка бросился было к ней, но увидев, что к девушке бегут два фашистских солдата, кинулся обратно.

— Хальт! Хальт! Стой! Стреляйт!—закричали солдаты.

Раздался выстрел. Рядом взвизгнула пуля. Ванюшка остановился: от пули не убежишь. Он оглянулся, когда к нему вплотную подскочил немец и сильным ударом по голове повалил партизана на мостовую.

— За что? Чего я сделал?—в отчаянии закричал Ванюшка.

— Вставайт!—взмахнул рукою гитлеровец. Схватив подростка за плечо, он поставил его на ноги и потащил к ограде, у которой в крови лежала девушка.

— Вас?—спросил солдат, конвоировавший Ванюшку, у другого.

— Капут!

И хотя девушка ещё вздрагивала и хрипела, он повторил:

— Капут, зер гут!

— Идьом!—толкнул солдат Ванюшку в спину.— Ходить!..

— Я к родным иду,—попробовал было объяснить он.

— Молчайт!—заорал на него солдат и снова толкнул.

«Что они хотят со мной сделать? Куда ведут? В тюрьму? Или сейчас расстреляют?—с ужасом думал Ванюшка по дороге.—Хорошо, если поведут к коменданту и будут допрашивать. Я бы сразу сказал, что пришёл поступить в полицию. Если поверят — спасусь...»

Но в комендатуру его не повели, не допрашивали, а вывели за город и втолкнули во двор МТС,

огороженный двумя рядами колючей проволоки.

На дворе сидело, стояло и лежало много народа. За проволочной изгородью вышагивали солдаты с автоматами, в стороне, на привязи, стояли собаки-овчарки, похожие на волков.

«Неужели теперь конец?» — со страхом думал Ванюшка, рассматривая широкий захламленный двор.

XIV

Никогда Ванюшка не видел в одном месте так много народу. Никогда он не видел так много печальных людей. Были среди этих пленников и городские, и деревенские люди. Одни сидели небольшими группками и вполголоса вели свои невесёлые разговоры, другие — лежали, многие же бесцельно бродили по своей, открытой всем ветрам, обширной тюрьме.

Нужно было где-то пристроиться и Ванюшке. Он облюбовал большое сосновое бревно, на кото-

ром сидели мальчик его лет и мужчина с большими чёрными усами.

— Можно тут присесть?—тихо спросил он.

— Садись, разве жалко,—сказал мальчик. У него были голубые, точь-в-точь как у Ильки Кузина, глубоко запавшие глаза.

Присев, Ванюшка посмотрел на своих случайных соседей. Оба они были бледные, исхудавшие, с грязными, давно не мытыми руками. На усатом — старая куртка, поношенная кепка, развалившиеся солдатские ботинки, надетые на босу ногу. На мальчике мешком висел пиджак со взрослого мужчины. Он поджимал под себя грязные, растрескавшиеся от цыпок ноги.

Мальчик вынул из кармана кусок сырой свёклы и неторопливо начал его грызть. Чувствуя, что молчать дальше неудобно, Ванюшка спросил:

— Ты давно здесь?

Мальчик не торопясь прожевал свёклу и, подумав, ответил ему вопросом:

— Зачем тебя сюда привели?

— Меня случайно...

— Вот и меня случайно.

— А откуда привели? — допытывался Ванюшка.

— Издалека. Из-под самой Винницы.

— Ты оттуда родом?

— Нет,—ответил мальчик.— Я жил у дяди Миколы,—показал он на усатого.

— А родом откуда?

— Тоже издалека. Про чуваш слышал когда-нибудь?

— Слышал. По географии проходили. На Волге есть Чувашская республика.

— Точно,—подтвердил мальчик,—на Волге.— Он посмотрел на оставшийся кусочек свёклы и,

откусив ещё немножко, положил её обратно в карман.

Ванюшка глядел на сверстника, и в сердце его всё больше росла жалость к этому, видимо, уже много претерпевшему мальчику. Вот до войны у них дома такой свёклой кормили овец и коров, а теперь её едят люди.

— Как тебя звать?—спросил Ванюшка.

— Санька. А тебя?

— Тоже почти так: Ванька... Ванюшкой все зовут. Слушай, Санька, у меня есть кусок хлеба. Давай съедим,—предложил Ванюшка, вытаскивая из кармана небольшой ломоть, который хранил на всякий случай со времени выхода из лагеря.—На, ешь...

Санька жадно и недоверчиво посмотрел на хлеб, потом на щедрого своего соседа и, проглотив голодную слюну, ответил:

— Не надо...

— Ешь, ешь,—настаивал Ванюшка.

Санька покачал головой:

— Тебе самому пригодится.

— Я ел, я сытый...

— Тут ничего не дают,—честно предупредил Санька.—За пять дней нам только два раза бросали свёклу, да и из-за этой свёклы троих пристрелили... Ты тоже будешь голодать, береги...

— Ну, что же, будем голодать вместе,—со вздохом согласился Ванюшка.

Санька повернулся к нему, помолчав немного, несмело протянул руку:

— Ну, тогда давай...

Ванюшка разломил обмятый кусок чёрного хлеба и половину отдал Саньке. А тот разделил свой кусочек надвое и легонько толкнул усатого в бок:

— Дядя Микола, хлеб.

— Ешь сам, Санька.

— Нет, дядя Микола. Я один не буду.

Ванюшка понял, что эти люди, наверное, уже давно делят между собой последнюю корку хлеба, потому что усатый, больше не протестуя, взял хлеб, но есть не стал, бережно завернув в тряпочку, положил его в карман.

— Спасибо, сынок,—сказал он Ванюшке.— Откуда будешь?

— Из этого же района. До нашего села километров пятьдесят.

— А теперь они повезут далеко,—кивнул он в сторону солдат, кормивших собак.— Наверно, погонят в самую неметчину.

— В Германию?

— А то куда же? Уж сколько там нашего народа страдает, а всё везут, везут.

Дядя Микола говорил это неспроста. Он знал и видел, как немцы ловили людей в городах и деревнях, грузили их в товарные вагоны и увозили в Германию. Там были организованы специальные лагеря, в которых содержались советские люди. Их заставляли работать на фабриках и заводах, стремясь заменить мужчин, которых тысячами пожирал восточный фронт. По письмам, которые присылали из Германии пленники, Микола знал о тех ужасных условиях, в каких приходилось им работать. Платы за труд не полагалось. Бурда, называемая супом, могла спасти от голодной смерти, но не насытить. Помощи больным не оказывали, и много попавших в рабство людей умирало от истощения, болезней и непосильной работы.

С приближением Советской Армии фашисты усилили отправку рабочей силы на свою каторгу.

Они не считались ни с чем: женщина это или мужчина, крепкий старик или подросток, есть ли в семье, кроме них, кормильцы или нет. Они даже не спрашивали — откуда эти люди и какие носят фамилии. Они просто хватали их и отправляли в Германию.

Когда над людьми нависла угроза рабства, они начали прятаться. Деревни опустели. В них оставались только дряхлые старики и маленькие дети. Это бесило гитлеровцев. Они почти ежедневно устраивали облавы, забирая каждого встречного. А кто пытался бежать — того настигала пуля.

Ванюшка вспомнил, как перед городским садом погибла одна из таких жертв. В этот же день в лагере стали известны подробности убийства. Мать прятала дочь в своем огороде, но фашисты нашли её. Девушка хотела спастись бегством и поплатилась за это жизнью.

Тяжёлые мысли давили Ванюшку. Он вспомнил дни, проведённые в отряде, обещание командира взять его на операцию. Вспомнился Фёдор Иванович, Тоня... Теперь он пожалел, что так необдуманно ушёл из лагеря. «Выходит, что я теперь никогда не буду в отряде, и вместо мести Шварцу, придётся ехать в проклятую неметчину».

Вдруг на правой половине двора раздались крики, послышался плач. Ванюшка посмотрел в ту сторону и увидел, что к лагерю гонят новую партию пленников. Два солдата открыли тяжёлые створчатые ворота, и конные начали теснить толпу, загоняя её во двор.

Последним, на гнедой подбористой лошади, во двор въехал высокий офицер. У Ванюшки от волнения перехватило дыхание. Он сразу узнал: это был Генрих Шварц.

Вот он выехал на середину двора, остановил лошадь и стал что-то кричать солдатам. Те закрыли ворота. Шварц наехал на толпу. Несколько раз над его головой взметывалась плеть. Он бил молчавших и угрюмо смотревших на него беззащитных людей. При каждом его взмахе плетью так же, как и тогда в Дубовке, ударяясь одна о другую, звенели медали и ярко поблескивала на солнце золотая цепочка.

Ярость душила Ванюшку. Будь сейчас у него в руках автомат, пистолет, граната — он не посчитался бы ни с чем... Но что сделаешь голыми руками? Гнев его был настолько силён, что забыв осторожность, он вслух произнёс:

— Ну погоди, людоед! Не я, так кто-нибудь другой тебя достанет!..

Солдаты начали развязывать пленникам руки. Сидевшие до этого в стороне люди встали и с опаской начали подходить к вновь прибывшим. Двор наполнился сдержанным гулом.

Встал и Ванюшка. Он всматривался в лагерных новичков. Лица их были угрюмы, глаза горели злым огнём.

— Что-то будет, Санька? Неужто — капут?..

— Ребята, — неожиданно отходя в сторону, заговорил дядя Микола. — Вот что, ребята... О смерти не надо думать. Мне и то это не дозволено, хоть я почти и прожил свою жизнь. Не такое сейчас время, чтобы о смерти думать. О жизни надо думать. Знаете, какой у солдат закон? Умри, а не сдавайся! А мы сейчас, когда перед нами самый лютей враг, разве не солдаты?

Он замолчал, посмотрел на притихших подростков и, снизив голос до шопота, продолжал:

— Ничего не бойтесь. Неправда, что нет выхода. Убежим, не поедem на каторгу. Я уже всё

обдумал... Только вы от меня не отходите. Поняли?..

...Жаркий тревожный день был на исходе. Шум голосов во дворе начал стихать.

В сумерки во двор въехали конные солдаты. Они подняли народ и загнали его на ночлег в большой каменный корпус ремонтных мастерских. По всему было видно, что в этом здании хозяйничали оккупанты: всюду валялись сорванные с фундаментов станки, в углу — куча железного лома, в крыше зияли проломы.

В гулком здании сразу стало шумно. Люди искали место для ночлега. Спать было не на чем — только земляной пол, заваленный обломками досок, кирпича и железа.

Санька направился в угол, в котором высилась небольшая куча соломы, наполовину перемешанной с железным ломом.

— Дядя Микола! Сюда! — крикнул он.

— Хорошее место, — похвалил Микола, подойдя ближе, — удобное, лучше не надо.

Ребята не поняли скрытого смысла этих немногословных рассуждений своего вожака, хотя и говорил это дядя Микола не зря.

— Ну, что же, хлопцы, спать давайте, — предложил он.

— Будем спать, — согласился Санька. — Вы, дядя Микола, ложитесь в середину, а мы с краю...

— Э-э, — покачал головой дядя Микола, — так не полагается. Где это видано, чтобы старый ложился в середину, а хлопчик мёрз с краю?

И, положив под голову кепку, видимо, уже давно заменявшую ему подушку, дядя Микола лёг и закрыл глаза.

Засыпали и другие истомившиеся люди. В сарае стало темно и тихо.

Ванюшка ещё днём хотел спросить Саньку, как он с далёкой Волги попал сюда. Но днём находились другие разговоры, а сейчас для этого был самый удобный момент.

— Послушай, Сашок,—начал он шопотом,— разве и у вас фрицы были?

— Нет.

— А как же ты очутился здесь?

— Так вот и очутился...

— Значит, как-то случайно?—не отставал Ванюшка.

Санька вздохнул.

— И случайно и не случайно. Понимай, как хочешь... Если интересно — могу рассказать, только ты не перебивай, а то я спутаюсь.

— Ладно...

— Вот как я сюда попал,—начал Санька.— Отец мой — чуваш. Сначала он работал сельским учителем, потом окончил военную школу и стал командиром. Он служил на Дальнем Востоке, а перед войной его перевели на западную границу. Мы жили на заставе. Папа мой был начальником. Для командирских детей там была школа, и я в ней окончил пять классов, перешёл в шестой...

И совсем неожиданно прервав рассказ, Санька спросил:

— У вас как война началась?

Ванюшка был мыслями на пограничной заставе, и вопрос застал его врасплох.

— У нас?..

— Да, у вас... Ну там, где ты жил...

— А как... Обычно... Сначала бои шли далеко, а потом всё ближе и ближе, а потом пришли фашисты, и пошёл грабёж, убивать начали...

— А у нас совсем не так. У нас по-другому,— продолжал Санька.— У нас неожиданно это полу-

чилось. Это было в воскресенье. Мы с мамой и папой ещё накануне собирались в этот день пойти в лес за земляникой. Папа у нас очень любил земляничное варенье... Папа хотел ещё показать мне на высокой сосне гнездо коршуна, которого он собирался подстрелить...

Санька на минуту замолчал.

— Ну и что же?—нарушая условие, спросил Ванюшка.

— А то, что по нашей заставе с польской стороны немцы начали бить из пушек. Это было рано-рано утром. Я проснулся и в одних трусах побежал на улицу. Снаряды упали рядом с собачником, где были сторожевые овчарки. На границе ухали орудия и трещали выстрелы. Мы с мамой быстро собрались, захватили рюкзаки и пошли в сторону пограничного отряда. Это у нас раньше было условлено так...

— Из-за границы,—продолжал Санька, переводя дыхание,—на восток летели немецкие самолёты. Везде бьют пушки, рвутся снаряды, бомбы... Ад настоящий... Пришли мы в погранотряд. Там уже было много жён командиров и ребятишек с других застав. Оказывается, немцы сделали нападение на все заставы, а не только на нашу. Нас начали сажать в вагоны, поезд тронулся, и мы поехали...

Ванюшка повернулся со спины на бок, лицом к Саньке, не понимая, почему тот замолчал. И, как бы почувствовав нетерпение друга, Санька продолжал свой рассказ:

— Уехали мы недалеко. Поезд наш настигли самолёты и начали сбрасывать бомбы... Я ужасов теперь нагляделся,—сказал по-взрослому Санька,—но такого страха ещё никогда не переживал. Поезд остановился, люди бросились из вагонов,

кто куда. Мы с мамой побежали в поле и легли во ржи. Вагоны разлетались в щепки, над паровозом поднялось белое облако... А потом, когда сделалось тихо, когда в небе не стало ни одного самолёта, мы опять вышли на линию. Дорога была вся разрушена: рельсы изогнуты и отброшены, шпалы вывернуты, и везде одни воронки...

Все, кто остался в живых, пошли по этой дороге на восток. На другой день пришли на большую станцию. Здания были разрушены—немецкие самолёты прилетали и сюда. На путях стояли обгорелые вагоны, лежал опрокинутый паровоз. В двух километрах за станцией, в лесочке, стоял порожний товарный состав. Мы сели в него, и нас повезли. Но и этот состав далеко не ушёл. На следующей станции был выброшен парашютный десант, там уже хозяйничали немцы. Они тихо впустили наш поезд на станцию, а потом ударили по паровозу, и тот остановился. Нас всех выгнали из вагонов и собрали в одно место. Солдаты начали всех обыскивать. Они забирали у людей деньги, снимали кольца, часы и даже вытаскивали серьги из ушей. Вот в этот день и погибла моя мама...

Санька опять замолчал. Он дошёл до самого тяжёлого места своих воспоминаний. Ему, видимо, не хотелось лишний раз говорить об этом, но Ванюшка спросил:

— А как это случилось?

— Вот как, — точно боясь, что его кто-нибудь ещё услышит, зашептал Санька. — Какой-то офицер, я помню только, что он был очень высокий, схватил маму за руку и вырвал у нее сумку. Он открыл её и вытащил золотые часы, которые мама в последнюю минуту перед уходом из дома сняла со стены. Офицер открыл крышку, послушал ход

и кивнул маме. Часы были на толстой золотой цепочке. Папа говорил, что цепочка часов сделана каким-то большим мастером. Часы эти и цепочка нам всем были очень дороги. Их подарил папе сам нарком обороны за храбрость в боях у озера Хасан. Потом офицер посмотрел на руки мамы. Он заметил у неё на левой руке широкое золотое кольцо, которое ей подарила бабушка. Офицер схватил маму за руку и начал стаскивать кольцо. Мама вскрикнула от боли — кольцо не снималось. А немец продолжал стаскивать. Когда мама начала вырываться, офицер ни с того, ни с сего вытащил револьвер и выстрелил маме в грудь. Она упала и умерла без единого звука.

Голос Саньки прервался, задрожал, но он быстро овладел собой.

— Я бросился к этому офицеру, но он меня так ударил по голове, что я больше ничего не помнил... Когда же пришёл в сознание, то увидел, что лежу под какими-то деревьями. Кругом на земле сидели те, кто ехал с нами в поезде, а по бокам стояла стража... Понял теперь, как я попал сюда?

— Понял, — ответил Ванюшка. — А к дяде Миколу ты как попал?

— А вот слушай. Нас окружили конвоем и погнали по шоссе на дороге. Долго гнали... В деревнях на ночь загоняли в сараи. Ну, точно как скотину. Наверно с неделю мы шли. Многие за это время умерли, а которые идти не могли — тех пристрелили... И вот, я думаю, мы им надоели. Однажды утром вывели нас из сарая, в поле, отобрали тех, кто был посильнее и оставили, а остальным сказали, чтобы разошлись по домам.

— А тебя? — нетерпеливо перебил Ванюшка.

— Меня тоже освободили, а только куда же мне было идти? Я вернулся обратно в деревню,

зашёл в крайний дом и попал вот к дяде Миколе. Меня накормили, расспросили, что со мной случилось. Тётя Грипина — это жена дяди Миколы, — когда я рассказывал о том, как убили маму, всё время плакала. Я переночевал у них и утром собрался было уходить, но они непустили меня. «Тебе же некуда идти, поживи у нас, как-нибудь обойдёмся, свой же ты, русский человек», — сказал дядя Никола. Тётя Грипина тоже начала уговаривать, чтобы я остался у них. Я и остался... Они были мне за родителей, и жил я у них как дома.

— А детей у них не было, что ли?

— Был сын, на фронт ушёл.

— А как же вы с дядей Миколой потом сюда попали?

— А вот слушай... Я жил у них года полтора. Дядю Миколу хотели отправить в Германию, а он скрывался. А потом немцы сменились, и с отправкой в Германию, вроде, как утихло. Дядя Никола вернулся домой. Тут опять пришли за ним и приказали выходить работать на завод, который немцы отремонтировали и пустили в ход. До войны-то дядя Никола двадцать лет слесарем работал, ну и пришли за ним. А он не хотел работать и опять начал скрываться. Всё равно его поймали и отправили не на завод, а в тюрьму. В дом пришли полицаи, забрали вещи, какие получше, и меня тоже увели. Больше месяца мы просидели в тюрьме, а потом нас всех выгнали из камер и пригнали вот сюда...

XV

Запертые в сарай пленники начали пробуждаться ещё до рассвета. Сначала где-то у самых ворот послышался робкий шопот, потом малопомалу начали переговариваться другие.

— Ну, выпались, хлопцы? — спросил ребят Микола.

— Выпались, дядя Микола.

— Не холодно было?

— Нет, не холодно.

— А я трохи подмёрз, — улыбнулся он.

Ребята сразу подметили, что сегодня их вожак выглядит почему-то веселее, чем вчера. Он и говорил с прибаутками и не хмурил своё и без того суровое лицо.

На воротах загремела тяжёлая железная щеколда. Они растворились, и яркие лучи солнца широким потоком хлынули в сарай, ослепив отвыкших за ночь от света людей.

— Вставайте! Выходите! — закричали солдаты.

Люди встали со своих мест и нестройной толпой двинулись во двор.

— Шнель! Шнель! Скоро! — слышалось со всех сторон.

На дворе было теплее, чем в сарае, и пленники подставляли свои лица щедрому потоку солнечных лучей.

Ругаясь, солдаты начали подгонять народ к наружным воротам, приказав встать по пяти человек в ряд. Когда длинная колонна была построена, часовой открыл ворота, и пленников погнали к железнодорожной станции.

На станции было пустынно, если не считать товарного состава, стоявшего на запасном пути. Конвойные направили колонну к этому составу. Сам Микола и ребята озирались по сторонам, соображая, нельзя ли как-нибудь убежать. Но сделать это не было никакой возможности: впереди, по бокам и сзади ехали верховые конвойные.

— На-а-х Дрез-ден, — прочитал Санька надпись на одном из вагонов.

— Значит, пойдёт этот состав, ребята, в Дрезден, — сказал Микола таким независимым тоном, как-будто его никто и не собирается везти в этот чужой и страшный город.

Распоряжавшийся погрузкой офицер подал какую-то команду, и солдаты начали открывать двери вагонов.

— Не отходите от меня, — вполголоса сказал Микола ребятам. Те прижались к нему. Дверь вагона, около которого они стояли, отодвинули. В это самое мгновение перед толпой, разъединённой теперь на кучки для посадки в вагоны, проехал офицер, что-то на ходу приказывая.

Первым увидел его Санька. Он долго и пристально смотрел на него, и мёртвенная бледность залила Санькино лицо. Он даже покачнулся, толкнув плечом Ванюшку.

— Ты чего, Сашок? — встревожился тот, видя, что с другом неладно.

— Ванюшка! Ванюшка! — задыхаясь, зашептал на ухо Санька. — Это он, Ванюшка!..

— Кто? — не понял Ванюшка.

— Это тот самый, — повторил Санька вместо ответа. — Я узнал его.. Смотри, вон и папина цепочка...

Да; это был Генрих Шварц. Он что-то сердито крикнул солдатам, и те начали подгонять народ на посадку. В каждом вагоне было уже человек по двадцать, видимо, пригнанных с вечера.

Войдя в вагон, ребята оглянулись и вновь увидели Генриха Шварца. Он был вылощенный, в чистом целлулоидном подворотничке, при всех своих орденах и медалях. Из левого нагрудного кармана, переливаясь на солнце, свисала золотая цепочка.

— Это он... Теперь я вспомнил, — задыхаясь

от волнения, шептал Санька. — И кортик, которым он по руке маме...

Санька говорил ещё что-то, но Ванюшка молчал. Он сейчас ничего не видел и не слышал. Он видел перед собой только Генриха Шварца — убийцу, сделавшего сиротой его самого, Саньку и ещё, может быть, сотни таких же, как и он, ребят.

Санька всхлипнул, и это пробудило Ванюшку.

— Чего ты? — спросил он.

— Ух, гад!.. — сжимая кулаки, прошипел Санька.

— погоди, Санька; — начал успокаивать Ванюшка. — погоди... Мы достанем и эти часы, и кольцо, и цепочку... А для этого надо достать самого Генриха Шварца... И мы достанем, Санька! Достанем!.. А мы не сумеем — другие сделают...

Дверь с шумом захлопнулась. Визгливо проскрежетал засов, и в вагоне сразу сделалось темно. Свет проникал в единственное окошечко, зарешеченное толстой проволокой.

Кто-то громко сказал голосом обречённого:

— Пропали теперь, братцы... С головой пропали...

Другой голос ему ответил:

— погоди плакать, слёзы побереги, много ещё их понадобится.

Дядя Микола устроился у двери.

— Садитесь сюда, — пригласил он ребят, — тут воздух чище будет.

Поезд долго стоял на месте и лишь с наступлением темноты тронулся. Люди начали притихать. Всем было ясно, что ни крики, ни протесты — ничто не может помочь им, запертым в этом вагоне, как в тюремной камере.

Микола сказал ребятам:

— Будем спать, хлопцы.

Привыкшие во всём повиноваться своему вожаку, ребята разостлали Санькин пиджак и, обнявшись, точно братья, уснули.

Сколько они спали — никто из них не сказал бы. Но оба они одновременно почувствовали, как кто-то трясёт их за плечи.

— Чего ещё? — недовольно пробормотал Ванюшка.

— Тише... тише! — услышал он над самым ухом шопот. — Тише, это я...

— Чего, дядя Микола?

— Тише! Ради бога, тише! — ещё раз повторил Микола. — Садитесь вот так...

Он сам посадил ребят так, что они касались головами друг друга. Приблизившись вплотную, Микола зашептал:

— Ничего не спрашивайте и только слушайте... Сейчас мы убежим...

— Как? — не утерпел Ванюшка, но Микола зажал ему ладонью рот.

Ребята не поверили. «Уж не случилось ли чего с дядей Миколой?» — разом подумали они. Но Микола ещё раз повторил:

— Сейчас. Слушайте. Я открою дверь и прыгну первым... И вы сразу за мной, только поодиночке. Прыгайте вперёд, а то разобьётесь, а как спрыгнете, бегите назад, я буду вас поджидать. Не ждите друг друга, идите на меня поодиночке. Когда встретимся, я скажу, что надо делать. Поняли? Ну, пора...

Микола поднялся, сделал шаг влево, и ребята услышали, как коротко взвизгнул несмазанный блок вагонной двери, на них пахнуло свежестью ночной прохлады. Сначала ребята ничего в темноте не видели, но, должно быть, в этом месте

дорога делала крутой поворот: из темноты начала вырисовываться серая полоска неба — далёкий предвестник утренней зари. Теперь уже не было никакого сомнения, что дверь открыта.

Боясь пошевелиться, затаив дыхание, Ванюшка и Санька смотрели на силуэт дяди Миколы в двери. Вот он, должно быть, застегнул пуговицу ватника, потом глубже надвинул кожаную кепку, сделал осторожный шаг назад, взмахнул руками и...

То, что произошло дальше, ребята поняли не сразу. Вместо того, чтобы исчезнуть в открытой двери, дядя Микола грузно осел и повалился на пол.

Ванюшка бросился к тому месту, где упал их вожак и оцепенел от ужаса. Но это было только минутное замешательство. Он понял, что кто-то решил помешать их побегу.

— Санька, сюда!

Понимая опасное положение дяди Миколы, они готовы были сделать всё, чтобы выручить его из беды. Но чем можно было помочь? На узком, свободном от людей, кусочке вагонного пола боролись два сильных человека. И невозможно было понять, который из них дядя Микола...

Эта страшная борьба происходила молча. Микола молчал, чтобы не всполошить спящих в вагоне, а другому кричать было и совсем нельзя: проснувшись, люди растерзали бы его в куски.

Борьба смертельных врагов длилась несколько минут. Растревоженные шумом, некоторые пленники проснулись и, не зная в чём дело, начали негодовать.

— Кто это там возится?

— Нашли тоже время... отдохнуть не дадут!

Но не это тревожило Миколу и ребят. Поезд

мог подойти к станции, а на каждой остановке конвойные делают осмотр вагонов. Они, конечно, обнаружат открытую дверь, и тогда можно поплатиться не только свободой, но и жизнью.

Это придало Миколу силу и решительность. Извернувшись, он подмял под себя противника и схватил его за горло. Оба они подкатились совсем близко к двери.

— Не уйдёшь!—прошипел в ярости Микола.

Ребята поняли, что Микола одолел своего врага и снова кинулись ему на помощь. Ванюшка наступил ногой на что-то холодное. Он нагнулся и вынул из-под ступни тяжёлую плоскую и рубчатую железину. Откуда она взялась — об этом не было времени размышлять. Ванюшка понял, что в руках у него рашпиль. Крепко, насколько было сил, он схватил его правой рукой и с размаху два раза ударил по голове предателя. Тот сразу обмяк, выпустив из железных объятий Миколу. Это было спасением. Микола сунул его в открытую дверь.

— Пошли! — оправившись негромко сказал Микола.—Быстро!—и скрылся за дверью вагона.

— Прыгай! — толкнул Ванюшка Саньку. — Прыгай!

Но Санька колебался.

— В неметчину что-ли захотел?..

Эта фраза оказалась сильнее всяких приказаний...

Санька прыгнул.

— Товарищи! — изо всех сил крикнул Ванюшка. — Товарищи! Дверь открыта! Спасайтесь! До свиданья, товарищи!..

Охваченный радостным возбуждением, забыв осторожность, Ванюшка покатился по песчаному откосу железнодорожной насыпи.

Рассвет застал беглецов в густом дремучем лесу. По мнению Микола, они ушли от железной дороги километров на семь-восемь. Опасность погони миновала. Когда они спустились в глубокий овраг, Микола сказал:

— Будем, хлопцы, отдыхать.

Выбрав место среди зарослей кустарника, они растянулись на сухих прошлогодних листьях и, охваченные тяжёлой усталостью, лежали молча.

— Вот и спаслись, — повернувшись на бок и подперев голову правой рукой, проговорил Микола. — Теперь надо подумать о будущем, а прежде всего о пище. Голодный далеко не уйдешь.

Удивительный всё-таки человек дядя Микола! Он как будто по глазам узнаёт Ванюшкины и Санькины мысли: им страшно хотелось есть. Но где найдёшь в лесу пищу? Идти в деревню — рискованно, можно быстро попасть в лапы к фашистам. Изловят и — опять в Германию, а то и в расход выведут. Нет, уж чего-чего, а пищи в этом лесу не достанет и сам дядя Микола.

Из невесёлого раздумья ребят вывел сам Микола.

— Вот что, хлопчики, — сказал он, — когда мы проходили ту большую поляну, вы ничего не заметили?

— Нет, дядя Микола...

— А я вот заметил...

— Чего? — разом вырвалось у обоих ребят.

— Пойдёмте, там покажу...

Менее чем через час они вернулись на прежнее место. У всех всюду — в карманах, в рукавах Санькиного пиджака, за пазухой — была набита

картошка. Но самой вместительной тарой оказалась рубашка дяди Микола, которую он снял, оставшись в одном ватнике.

— Теперь не умрём, теперь на неделю хватит...

Но взглянув на ребят, Микола увидел на их лицах не столько радость, сколько смущение.

— Это чего вы зажурились? — спросил он. — Пищей недовольны?

— А как мы её есть будем, сырую-то?.. — спросил Ванюшка.

— Да-а! — протянул Микола. — Это вопрос! Сырая картошка — невкусная, мне приходилось пробовать... Сварить или испечь её надо обязательно.

— А как, если спичек нету?

— А без спичек разве огня нельзя достать?

— Можно.

— Надо тереть палку о палку. Так дикари делали, — ответил Санька.

— Так-то дикари, — улыбнулся Микола, — а мы всё-таки в двадцатом веке живём...

Он выщипнул из своего дырявого ватника клочок ваты и почти вплотную выстрелил в него из револьвера. Вата вспыхнула искрой. Микола взял горсть сухих листьев, положил их на горящую вату, и под густыми ветвями орешника запыхал приветливый огонёк.

— А теперь давайте больше валежника, — распорядился Микола, глядя на ребят, сидевших с открытыми от изумления ртами. Удивил их не этот, уже известный им способ, которым Микола добыл огонь, а то — откуда у него появился револьвер.

Вообще за истекшие сутки произошло много непонятного и прямо-таки загадочного. Почему повеселел дядя Микола? Что это за человек был

выброшен из вагона? Почему оказалась открытой дверь? Откуда на полу вагона появился тяжёлый рашпиль? Где, наконец, достал Микола револьвер?

Ребята сгорали от нетерпения: так хотелось узнать всё это. И вот что рассказал им Микола, сидя у кучи золы, в которой пеклась картошка.

План побега созрел в его голове в последнюю ночь, проведённую в сарае машинно-тракторной станции. Микола догадывался, что весь этот народ, согнанный во двор МТС, немцы намерены отправить в Германию. На побег по пути к станции он не рассчитывал: уж очень крепко охраняли пленных усиленные конвои. Он решил, что легче будет убежать из вагона. Старый слесарь был знаком с устройством запоров железнодорожного товарника, нужен лишь инструмент. Но где его взять?

Этому помог счастливый случай. Когда расторопный Санька отыскал для ночлега место около кучи железного лома, Микола сообразил, что этот лом может сыграть в их жизни решающую роль. «Удобное место», — сказал он тогда ребятам.

Когда утомившиеся за день на жаре люди уснули, Микола осторожно, чтобы не наделать шума, начал рыться в ломе. В кромешной темноте он осторожно брал и перекладывал одну вещь за другой, пока не почувствовал в руках рашпиль. Опытный слесарь провел по нему ногтем и убедился, что рашпиль был или ещё неиспользованный, или пользовались им очень мало.

Ободренный Микола продолжал поиски. Под руку ему попало что-то колющее, и слесарь без труда определил, что эта пачка ножовок — целая пачка, даже не освобождённая от заводской проволочной упаковки.

Микола настолько обрадовался своим находкам, что остаток ночи провёл без сна. Раньше времени он решил ничего не говорить ребятам, стараясь не выдать своей радости. Но это ему не удавалось. Наутро ребята сразу подметили, что в настроении дяди Миколы произошёл какой-то перелом, хотя причин этого и не знали.

Страшно одно: а вдруг при выводе из лагеря будут обыскивать? Но конвой, наверное, торопился, и эти опасения оказались напрасными.

В вагоне Микола выждал, когда все уснули, и принялся за дело. При помощи рашпиля ему удалось отодвинуть дверь на каких-нибудь полтора сантиметра. Но большего и не требовалось. Микола нащупал запор, просунул рашпиль, и начал пилить. Шум поглощал поезд, он шел быстро, оглушительно стуча колёсами и буферами. Почти от вечерней до утренней зари работал Микола, отдыхая лишь во время остановок. Изработав рашпиль, он пустил в дело ножовки и уже начал отчаиваться, что до рассвета не сможет кончить своего дела. Какова же была его радость, когда ножовка, на которую он нажимал изо всех сил, неожиданно провалилась и выпала из его рук...

— Ну, а остальное вам известно, — закончил рассказ Микола. — Сами видели.

— А что же это за человек был, который вас схватил? — спросил Санька.

— Шпион или предатель. Как ни назови — правильно будет, — ответил Микола. — Шкура продажная. Их подсаживают в вагоны, чтобы они всё выслушивали, а потом доносили.

— А это у вас откуда? — допытывался Ванюшка, изобразив указательным пальцем, будто он нажал на спусковой крючок.

— А это я у того гада успел выхватить. Ему

он теперь всё равно не нужен, а нам может пригодиться, — улыбнулся Микола. — Да и эта вот штука не лишняя...

Он показал кинжал с серебряной рукоятью, на которой была выгравирована «раскоряка», как Ванюшка звал фашистскую свастику.

Никогда, кажется, ни сам Микола, ни ребята не завтракали с таким аппетитом. Ели печёную картошку. Ели без хлеба, без соли, но никто не замечал этого.

— Спасибо, дядя Микола, — первым сказал Ванюшка.

— Тебе спасибо, — ответил Микола. — Как бы ты того хлыща рашпилем не угостил, так ещё и не знаю, что было бы... Ослабевал ведь я, хлопцы, совсем ослабевал... Вот и вперёд так: ни в какой беде не теряйтесь.

Все трое сходили к протекавшему недалеко ручейку, напились холодной, чуть припахивающей прелыми листьями воды и снова вернулись к костру. Микола вынул из золы во второй раз заложенную картошку, уложил её аккуратно в рубаху, содрал лыко и соорудил заплечный мешок. Он приладил его себе на спину, и сказал:

— Ну, хлопцы, не счесть на свете путей, а для нас — только один... Знаете куда он ведёт?..

— Знаем, дядя Микола, — разом догадались ребята.

— Ну, тогда в добрый путь!..

XVII

Много в необъятных русских лесах дорог и тропинок, но наши друзья шли по бездорожью. Тот единственный путь, о котором говорил Микола, вёл в партизанский отряд.

Много в те годы было в лесах партизанских групп, отрядов и даже дивизий, но сыскать их всё же было трудно—так велики и дремучи наши леса.

Солнце перевалило за полдень, а Микола всё вёл и вёл ребят, не останавливаясь. Уставшие, они уткнулись в какое-то заросшее камышом болото. Но не только болото, реки и моря не останавливают вырвавшихся на свободу узников.

— Придётся обойти,—сказал Микола.

И они снова пошли.

К сумеркам лес поредел. Сначала вожак замедлил шаг, потом остановился, пристально всматриваясь вперед. Ребята почувствовали: там что-то неладное.

Так оно и было.

— Привал!—скомандовал Микола. — Ты, Саня, оставайся тут, а мы ходим в разведку.

Он снял с плеч мешок с картошкой и, крадучись, пошёл вперёд. Следом осторожно ступал Ванюшка.

Минут через пять Микола остановился, и так неожиданно, что Ванюшка наткнулся на него. Микола быстро отскочил за толстое дерево.

— Слышишь?

Ванюшка не привык врать и сознался чисто-сердечно:

— Ничего не слышу.

— Слушай внимательнее...

Да, теперь до Ванюшки едва доносился какой-то отдалённый шум.

Микола прилёг на землю, его примеру последовал и юный спутник. Метров триста они проползли по-пластунски. Микола пристально посмотрел вперёд и спросил:

— Видишь?

Ванюшке было даже неудобно, но опять, чтобы не соврать, он ответил:

— Ничего не вижу...

— Смотри вот между этих двух берёз. Видишь возвышенное место? Это шоссе.

— Ну и что же?—не придавая этому обстоятельству особого значения, спросил Ванюшка.

— А вот что,—ничуть не обидевшись на наивный вопрос горе-разведчика, объяснил Микола.—Во-первых, нам надо немедленно убираться отсюда. Немцы строго охраняют дорогу. Видишь, даже по сторонам её деревья срубили. А во-вторых, здесь где-то близко есть партизаны...

— Почему вы так думаете?

— А потому и думаю, что раз есть шоссе, то должны быть и партизаны.

«Ох и умница же этот дядя Микола!—подумал про себя Ванюшка.—Без него мы пропали бы».

В это время вдали снова послышался гул. Микола и Ванюшка ясно увидели на дороге грузовики.

— Надо уходить!—встревожился Микола.

Вскочив, они побежали к Саньке и, почти не останавливаясь, двинулись в глубь леса.

Вечерело. В лесу уже сгущались сумерки, а трое всё шли и шли. Хотелось есть, и в то же время нестерпимо мучила жажда.

К довершению всего начал отставать Санька. Ванюшка, у которого за пазухой была набита картошка, взял у Саньки пиджак, но Санька был уже не в состоянии прибавить шагу.

— Потерпите, хлопцы, потерпите малость, скоро отдохнём и поужинаем, — подбадривал ребят Микола.

Он уже облюбовал для ночлега невысокий

пригорок, смутно видневшийся впереди, и только что хотел обрадовать ребят, как вдруг где-то позади залаяли собаки.

Микола понял, что дело плохо. При прочёсывании лесов, гитлеровцы, боясь заходить в них, пускали впереди себя собак-ищеек. Эти небольшие мохнатые лайки отличались пронзительным лаем, свирепостью и необыкновенно тонким чутьём. Микола догадался, что именно такие псы напали на их след.

— Бежим!—вполголоса крикнул он.

С ребят усталость как рукой сняло. Совсем падавший перед этим Санька не отставал от Ванюшки. Натыкаясь на кусты, задевая плечами деревья, они бежали и бежали, стараясь не отстать от Миколы, который, оправившись от минутного испуга, уже успел разработать план спасения. Сделав небольшой круг, он направился к болоту, мимо которого они только что прошли. Надо было перебежать, а если понадобится—переплыть болото, чтобы сбить собак со следу... Вот под ногами уже захлюпала вода, вот и само болото... Неужели они, только что вырвавшиеся из крепко запертого вагона, не сумеют сохранить свободу в этом необъятном дремучем лесу?

Как это делает всякий преследуемый, Ванюшка на миг обернулся и увидел перепрыгнувшую через пень небольшую чёрную собаку. В одно мгновенье она догнала Саньку и вцепилась в него.

— А-а-а!—крикнул Санька.

Не помня себя, Ванюшка схватил валявшийся под ногами толстый сук и бросился на помощь другу.

Неизвестно, что могло случиться с Санькой, если бы не подоспел Ванюшка. Он так хватил пса палкой по башке, что Санька перегнулся и засто-

нал. Собака свалилась и начала биться в предсмертных судорогах.

— Не оживёт?—спросил перепуганный Санька.

— А чтобы не ожила, мы ей добавим...

И он размахнулся еще.

— Теперь не оживёт...

— Давай сюда, хлопцы! Быстрее!—встревоженно позвал дядя Микола.

Ребята подошли к нему.

— Вот, вы двое одну прикончили, а я один двух,—пошутил он.—Но у меня и оружие лучше вашего,—показал он на окровавленный кинжал.

И, неожиданно меняя тон, проговорил:

— Ну, вот что, хлопцы. От четвероногих псов мы спаслись. Теперь надо спастись от псов двуногих. Они ходят вслед за собаками... Пошли!

Они уже взошли на ту возвышенность, которую Микола облюбовал было для ночлега, когда слышали далеко позади себя крики:

— Хай! Хай!

— Ай! Ай!—отвечал лес.

— Теперь догоняй!—пошутил Микола, ускоряя и без того быстрый шаг.

XVIII

Микола вёл ребят всё дальше и дальше в глубь леса. Они шли не отставая, но Микола чувствовал, что за день они совсем измучились. Да и сам он устал смертельно.

Остановившись около старой ели с густым лапником, он сказал:

— Хватит, будем ночевать.

Костёр разжигать было нельзя: немцы могли идти по пятам. «Хорошо, что в прошлый раз картошки взапас напекли»—подумал Микола.

Первой его мыслью было накормить ребят. Доставая картошку из мешка, Микола думал о том, с каким терпением эти два подростка переносят лишения, невзгоды и опасности, которые могут надломить даже взрослого.

— Хлопцы,—негромко позвал он,—давайте ужинать.

Но, удивительное дело, ему никто не ответил.

Раздвинув свисающий почти до земли лапник, Микола зашёл под устроенный самой природой шатёр и споткнулся о чьи-то ноги: ребята спали непробудным сном.

Выйдя из-под навеса, он захватил мешок и устроился около спящих ребят. Усталость сковывала его, но сон не шёл. О чём только не передумал Микола?.. Вспомнился родной дом, тюрьма, побег из вагона... Но больше всего он думал о своих, спящих рядом, маленьких друзьях. Микола понимал, что для них теперь он—единственная надежда и опора. Удастся ли спасти их? Вот они прячутся по лесам: как звери от охотника... А

сколько ещё испытаний может встретиться на пути?..

Усталость брала своё. Мысли уже теряли отчётливость, начали путаться. Ещё минута—и Микола впал бы в забытье. Но в это время слух его уловил гул авиационного мотора. Самолёт шёл на большой высоте.

Микола не придал бы этому никакого значения—мало ли самолётов летает ночью? Но этот самолёт вёл себя как-то странно. Он пролетел, потом вернулся и, сделав несколько кругов над лесом, улетел совсем.

«Чего этот лиходеёй тут выискивал?—размышлял Микола.—Да и чего бы он нашел, когда стоит непроглядная темень и облака такие плотные, что ни одной звезды не видно?».

Чувствуя, что у него слипаются веки, Микола прижался спиной к кому-то из ребят, и сладкая дремота уже охватила всё его тело. Вдруг совсем близко хрустнули сучья, и кто-то отчётливо выругался:

— Шайтан побери!..

Микола выхватил пистолет. «Кто это может быть?»

Он хотел было разбудить ребят, но раздумал, боясь, что они спросянок наделают много шума.

«Бежать или повременить? Кто же всё-таки там?—терялся в догадках Микола.—Немец? Но выругался по-русски... А может быть, такой же, как и мы?»

Он поставил пистолет на предохранитель и осторожно пошёл в том направлении, откуда послышался голос. Останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, Микола прислушивался, но кругом стояла ничем не нарушаемая тишина. Он не смог бы сказать, сколько простоял, не шевелясь и уме-

рив дыхание. Ему уже начало казаться, что и шум, и треск сучьев, и человеческий голос он слышал во сне, что это не иначе как результат перенапряжения нервов. Микола уже хотел вернуться, но в эту минуту услышал тот же голос:

— Вот это номер!

«Русский» — обрадовался Микола и смело двинулся вперёд. Шагов через пятнадцать, он различил тёмные очертания человека, который висел между деревьев. Раскачиваясь и извиваясь, тот тянулся руками вверх, стараясь за что-то зацепиться. Микола понял, что это повисший на дереве парашютист.

Не стерпел, окликнул:

— Эй, кто ты?

— Не подходи! Стрелять буду!

Микола остолбенел от неожиданности. Его удивили не страшные слова человека, барахтающегося в воздухе, а голос, каким они были сказаны: нежный, звонкий — девичий...

— Ладно, — спокойно ответил Микола, сознавая, что сейчас все преимущества на его стороне. — Застрелить — дело нехитрое, только будет ли толк?

Теперь он догадался, зачем кружил над лесом самолёт и сочувственно сказал:

— Что ж, летчик-то не рассчитал... Вот, ведь, как...

— Темень, — примирительно согласилась девушка.

XIX

Теперь уже четверо пробирались по лесу. Парашютистка изредка посматривала на компас, определяя направление. Ванюшка и Санька присматривались к ней. Короткая куртка её была хорошо пригнана, на голове щеголевато надет тем-

носиний берет; через правое плечо перекинут автомат, на поясе в брезентовых чехлах—три запасных диска, в руках два небольших чемоданчика.

Девушка шла, не произнося ни слова. Она чувствовала, что люди, которые идут за ней,—надёжные, и она их ведёт, а не они её, что всегда так важно во вражеском тылу.

Когда первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев, спутники вышли в поредевший лес. Стало попадаться много обомшелых пней, и это молчаливо говорило о близости населённого пункта. Лес редел всё больше и больше. Неожиданно девушка остановилась и подняла руку. Все замерли в ожидании чего-то значительного.

— Слушайте,—полушопотом сказала она.

В сторонке деловито стучал дятел, но никто не усмотрел в этом ничего подозрительного: на то он и дятел, чтобы стучать. Но через какую-нибудь минуту все отчётливо расслышали отдалённое пение петуха.

— Слышите?—спросила девушка.

— Как его фрицы не сожрали?—пошутил Ванюшка.

— Кого?—недоумённо посмотрела на его парашютистка.

— Да петуха этого.

— А я не о петухе...

— А о чём?—спросил Микола.

— Тогда слушайте ещё... Тихо!..

Да, теперь все слышали отдалённый гул моторов. А вскоре и увидели: по дороге шли закрытые брезентами грузовики.

Случайная спутница, оказавшаяся теперь вожаком группы, достала из-за голенища сапога карту и, положив на неё компас, взглянула на дорогу, на видневшуюся слева деревню.

— Болото не встретилось на вашем пути?— спросила она, не отрывая глаз от карты.

— Вчера попало, — сообщил Микола, — мы его обходили влево.

— Ясно. Идёмте.

Когда на пути попались густые заросли кустарника, девушка, выбрав сухое место под берёзой, села.

— Теперь полный порядок, — повеселев, сказала она. — Я уточнила направление. Сейчас, как это заведено, перед большим переходом — пять минут роздыха, и в путь...

Точно через пять минут тронулись. Шли долго не отдыхая. Девушка время от времени сверялась с компасом. У выемки между холмами она сказала:

— Устроим большой привал.

На этом привале, между прочим, парашютистка рассказала спутникам о себе.

Звать её Зоей. До войны она училась в одном московском институте, откуда добровольно пошла на фронт санитаркой. Сначала работала в госпитале, но её тянуло к боевым делам. После долгого хождения по начальникам, она выпросилась в школу радистов. Окончив её, прошла курсы парашютистов и была выброшена в немецкий тыл для работы в одном из партизанских отрядов в Брянских лесах.

На необычно появившуюся в лесу спутницу Ванюшка и Санька смотрели с восхищением. Они слушали её, затаив дыхание. Ванюшка поглядывал на автомат и думал о том, как появляются радисты в партизанских отрядах. «Вот, наверное, — размышлял он, — и радист дубовского отряда, так же однажды ночью спустился в лес с парашютом», — хотя тот никогда не рассказывал

ему о своей жизни и тем более не говорил о том, как оказался у дубовцев.

Сложнее были мысли Миколы. Он выискивал на юном лице девушки с ямочками на розовых щеках черты мужества и не находил их. «Но,— думал он,—храбрость несомненно есть в её душе и, видимо, кроме смелости, у этой девушки есть ещё хорошие знания и опыт». Он удивлялся тому, как быстро она ориентируется по карте, как уверенно идёт по компасу, как быстро определила место, в котором они находились.

— А потом в одном бою меня ранило осколками мины,—продолжала свой рассказ Зоя. В глазах её блеснули огоньки, как будто она вновь увидела наступающие вражеские цепи.—На Большую Землю меня вывезли самолётом. Ничего, выздоровела и опять пошла по начальству—проситься в тыл врага... Вот и выпросилась... На дереве повисела, с вами повстречалась, а теперь в каком-то лесу ищу своих... Хорошо!—неожиданно добавила она и тихонько засмеялась.

Узнали ребята и о том, как небо послало им эту замечательную спутницу. Зоя летела в партизанский отряд, но лётчик из-за густой низкой облачности не мог увидеть условный сигнал партизан, и выбросил её над лесом, в предполагаемой близости отряда.

— Это бывает,—сказала Зоя.—Но мы их обязательно найдём.

Микола разложил на траве печёную картошку.

— Угощайтесь... Как говорится, чем богаты...

— Верно, надо покушать,—спохватилась Зоя.

Она открыла чемоданчик, и все увидели в нём какую-то машинку, по бокам которой лежал шоколад, консервы и галеты. Она проворно вскрыла

банку с консервами, положила галеты и в свою очередь предложила:

— А вы угощайтесь подарками с Большой Земли.

Ванюшка съел картофелину, на предложение Зои стеснительно ответил:

— Кушайте сами...

— Бери, бери!—настойчиво сказала она.— У партизан такой закон—всё пополам: и пища, и патроны.

Все поели картошки с консервами, а затем разделённую на четыре равных части плитку шоколада.

— Ну, каяр!¹—проговорила, вставая, Зоя.

Микола с Ванюшкой, услышав незнакомое слово, переглянулись, а Санька с любопытством взглянул на неё и, к всеобщему изумлению, спросил:

— Эсир чăваш-и?²

— Çапла, эпĕ Шупашкартан³,—ответила Зоя и с меньшим любопытством посмотрела на Саньку.

— Апла эфир пĕр енчисем?⁴—спросил Санька.

— О, хамĕр ял!—засмеялась Зоя.—Да, я из Чебоксар. Оказывается,—повернулась она к Миколу с Ванюшкой,—у меня среди вас есть земляк... Ты из какого района?

— Из Сундырского,—ответил Санька.

— Да ты, оказывается, самый настоящий земляк, без всякой подделки,—опять засмеялась Зоя.—Но как ты попал сюда?..

Санька опустил глаза, лицо его сделалось грустным. Это не ускользнуло от Зои, видевшей

¹ Ну, пошли!

² Вы чувашка?

³ Да, я из Чебоксар.

⁴ Значит, мы земляки?

много детского горя. Она правильно поняла, что Саньке тяжело об этом рассказывать, и чтобы исправить свою оплошность, ласково потрепала его по плечу:

— Ну, ладно, когда-нибудь расскажешь... Ах, земляк, земляк, хамёр ял! Бывают же такие встречи!..

И она снова заговорила по-чувашки, всё время чему-то улыбаясь. Соскучившийся по разговору на родном языке, Санька говорил что-то пространно, непрерывно жестикулируя, и печать довольства не сходила с его лица.

— Ну, а теперь пора в путь, нам далеко еще идти,—оборвала разговор Зоя. Она вновь развернула карту и, посмотрев на неё, передвинула на азимутальном кругу компаса визирную планку.

Шли опять долго. День уже клонился к вечеру. Микола только было хотел сказать, что пора немножко отдохнуть и поесть, как из-за кустов вышло двое мужчин с автоматами. Один, тот, что был постарше, скомандовал:

— Стой! Руки вверх!

Второй спросил:

— Что за люди? Куда идёте?

— К вам,—ответила Зоя и, не давая возможности задать ей новый вопрос, властно добавила:—Ведите.

Чубастый моложавый не обратил на это внимания. Прищуриль глаза, он испытующе осмотрел незнакомцев и, переложив автомат, сказал пожилому, но так, чтоб слышали все:

— Понадобится—кокнем...

— Я тебе кокну!—всерьёз пригрозила Зоя.

— А и шустра же ты, дочка,—заметил старший.—Не простая, видать...

— Уж какая есть, не переделаешь,—оборвала Зоя.—А вы, чем исследованием чужого характера заниматься—начинайте действовать. Проводите нас к товарищу Кравчуку.

При упоминании этой фамилии мужчины переглянулись...

— Ну, когда так,—пошли...

— Возьмите мои чемоданчики... Совсем одичали, за девушкой поухаживать не могут,—пошутила Зоя.

XX

В расположение партизанского отряда пришли в сумерки. Долгое время брели по дну лесной впадины, густо заросшей лозняком, и, наконец, к небольшим кострам, около которых сидели люди. Картина напоминала военный бивуак. На деревьях висело оружие, в некоторых местах винтовки стояли в козлах, лошади, с опущенными подпругами сёдел, неторопливо жевали овёс.

Шедший впереди партизан обратился к Зое:

— Получите ваш чемоданчик, я быстро...

Он сразу затерялся среди костров. Вернулся уже не один, а с женщиной, одетым в синий китель и галифе. На боку у него висела кобура.

— Вот они, товарищ командир,—доложил партизан.

Зоя сделала шаг вперёд, приложила руку к берету.

— Товарищ командир отряда! По приказанию начальника центрального штаба партизанского движения Союза ССР прибыла в ваше распоряжение. Радистка Зоя Сергеева. Радиостанция и генератор в полной сохранности!

— Отлично!—командир пожал радистке руку.—Больше недели ждали вас.

— Задержалась не по своей вине.

— Об этом после... А эти кто?—спросил он, кивнув в сторону Миколы, Ванюшки и Саньки.

— Я их встретила в лесу. По их словам, они выпрыгнули из эшелона, который увозил наших людей в Германию.

— Когда?—спросил командир.

— Вчера перед рассветом,—ответил за всех Микола.

— Откуда сами?

— Я с Украины, из под Винницы. Был в фашистской тюрьме, затем в лагере... И удрал.

— Гм...—командир взгляделся в Миколу и улыбнулся.

— Ребята откуда?

— Из разных мест... В сборном лагере перед отправкой в Германию встретились. Бежали вместе.

— Хорошо, — заключил командир. Он посмотрел на ребят, и, повернувшись к одному из партизан, распорядился:—Степан, отведи этих товарищей на кухню, прикажи повару накормить, после ужина устрой на ночлег... А вы, товарищ Сергеева, пойдёте со мной.

Командир с радисткой пошли к штабной землянке, остальные тронулись за Степаном. Видя хорошее отношение командира к пришедшим, Степан ударился в разговор.

— Живём мы, конечно, в лесу,—деловито рассуждал он,—а зверями не стали. Не голодаем, голыми не ходим, и что по белу свету творится—тоже знаем... А всё, скажу вам, от командира зависит. Наш командир, товарищ Кравчук,—стоящий командир, с гражданской войны в партии состоит, огни и воды прошёл. Он у нас за каждого партизана душой болеет... Вот и вас—сразу же

угощать! Другой командир—шалишь бы! Другой бы сказал: «Постой, сначала посмотрим, кто ты таков, достоин ли ты партизанского хлеба?» А наш не такой. Он с первого взгляда определит: свой ли, чужой ли ты... Месяц назад один заявился к нам. Не молодой, уж борода в сединах. Лицо расцарапано, одежда—одни лохмотья, на чело- века не похож. «Вот пришёл к вам,—говорит.— Последнего поросёнка фрицам не отдавал, ну и пострадал. Еле-еле разыскал вас». А наш Кравчук обглядел того со всех сторон, лохмотья все обглядел, да и в душу, видно, заглянул, и гово- рит: «Ну, что ж, давай, обживайся у партизан». А нам приказывает: следить, глаз не спускать с пришельца... И что же вы думаете? Пристрелили мы потом этого подлеца. Подлинным подлецом оказался. Немцы подослали его убить нашего Кравчука... Трудно влезть в душу человека с пер- вого знакомства, а вот наш Кравчук умеет... Умеет,—добавил он.

— Да, бывает,—в раздумье сказал Микола.

— Я вот и сам насквозь вижу людей,—не- сколько хвастливо продолжал Степан.—Давеча, как увидел вас...

Но рассказать о себе он не успел: подошли к большому шалашу-кухне.

— По приказанию командира накормить вот этих товарищей доотвала,—распорядился Степан.

— Есть доотвала!—весело отозвался низень- кий повар.

После долгой голодовки Микола, Ванюшка и Санька ели без стеснения.

Повар с веселой улыбкой подбадривал:

— Кушайте, кушайте, не объедите. У немцев продовольствия разного много. Мы хорошо у них снабжаемся...

Жизнь лагеря постепенно замирала: движения становилось меньше, костры догорали, лес наполнялся темнотой, и от этой утихающей жизни ребятам становилось немного тоскливо.

— Ну, а теперь пойдёте спать,—предложил Степан.—Небось, уморились. Я вам землянку покажу. Дворец, а не землянка! Хозяева ушли на задание, вернутся только к завтрашнему вечеру. Можете спать хоть сутки...

Степан привёл их в землянку, зажёл спичку, и слабый свет озарил небольшую, заваленную сеном комнатку без окон.

— Располагайтесь... Спокойной вам ночи.

Оказавшийся таким добродушным и исполнительным, Степан вышел из землянки, и его шаги потонули в неясном шуме засыпающего лагеря.

Друзья повалились на сено и вполне согласились, что это не крошечная подземная каморка, а самый настоящий дворец. Так показалось бы всякому, кто уже давно не ощущал над собой кровли, а под своим боком—ничего, кроме земли или, в лучшем случае, досок. Усталость взяла своё, и все трое сразу заснули крепким сном.

...Раньше других поднялся Микола. Он вышел, побродил около землянки и вернулся. К этому времени проснулись и ребята.

— Ну, каково, молодая гвардия?

— Ой, хорошо, дядя Микола!—потягиваясь, ответил Санька.—Как дома!

В двери показался Степан. Он пожелал всем доброго утра и сказал, что пора уже завтракать. Микола рассмеялся:

— Вот, ребята, вместо каторги в настоящий санаторий попали.

— После завтрака,—сообщил Степан,—старшему надо будет подойти к товарищу Кравчуку.

Микола заторопился:

— Ну, хлопцы, быстрее.

Наевшись гречневой каши и выпив кружку чая, Микола и Степан пошли к командиру отряда. Ребята, окружённые партизанами, рассказывали о себе, поджидая своего вожака и спасителя. Терпение их уже иссякало, когда вернулся Микола.

— Ну, как?—в один голос спросили Ванюшка и Санька.

— Пойдёмте к землянке, там расскажу.

Они выбрали местечко поудобнее, сели, и Микола зачем-то полез в карман. Ванюшка и Санька следили за каждым его движением. А тот, не торопясь, вынул пачку махорки, бумагу, свернул цыгарку и сладко затянулся. Ребята с удивлением, как на большую редкость, смотрели и на махорку, и на коробку спичек, появившихся у Микола, но вопросов не задавали, ожидая, что скажет он сам.

— Верно говорил этот Степан,—начал Микола,—верно... удивительный человек ихний командир. Украинец, земляк мне будет, до войны в райкоме партии работал в Винницкой области...

— А примут они нас в отряд?

— Беспокоитесь?—Микола помолчал, выпустил сизый клуб дыма и ответил:—Уже приняли!

— Неужто?—радостно переспросил Ванюшка. Глаза его горели тем огнём радости, какой всегда появляется у людей, мечты которых сбылись.

— А теперь, хлопцы, такое дело...—Микола помедлил.—Товарищ Кравчук хочет с вами поговорить сам.

— А вы разве не рассказывали?

— Я-то рассказывал, но командир должен в своём отряде каждого знать лично.

Ванюшка с Санькой переглянулись и разом, точно по команде, уставились на Миколу.

— Не паникуйте,—успокоил тот, заметив, что его юные друзья волнуются.—Фашистам страшен тот Кравчук, а до своих он добрый.

Робко входили ребята в землянку командира. Кравчук встретил их в дверях.

— Душно здесь, хлопцы, айда на волю.—Он первым вышел из землянки, сел на пороге и спросил:—Отдыхали как?

Уже через минуту ребята не чувствовали никакой неловкости, как будто разговаривали не с командиром партизанского отряда, а с добродушным дядей Миколой.

Кравчук расспрашивал о том, кто где родился, кто были родители, как очутились в этих лесах. Когда Ванюшка начал рассказывать о расстреле дубовцев, о том, как спасся и попал в партизанский отряд, Кравчук насторожился:

— В каком ты был отряде?

— «Смерть фашистам»,—ответил Ванюшка и так посмотрел на Кравчука, как будто бы тот давно должен был знать об этом.

— А как фамилия командира этого отряда?

— Фамилия?.. Фамилия...—запнулся Ванюшка.—Не знаю...

— Вот тебе, бабушка, и юрьев день!—удивился Кравчук.—Как же это так, не знать фамилию своего командира?

— Его все называли дядя Коля,—смущённо пробормотал парень.

— Ну, а ещё как его звали?

— Фельдшер Фёдор Иванович называл Николаем Васильевичем,

— А кто начальник штаба этого отряда?

— Начальник штаба—мой дядя, Семён Петрович Коробов. Он ранен, и самолёт увёз его на Большую Землю.

— Так,—похлопал Ванюшку по плечу Кравчук.—Знаю я и дядю Колю и Семёна Петровича... Дядей, значит, он тебе приходится? Хорошего ты, выходит, роду-племени...

— А откуда вы их знаете?—спросил ободрённый похвалой Ванюшка.

— Знаю,—мягко улыбнулся Кравчук.—Партизан партизана всегда знает... А Николая Васильевича Ломова только позавчера видел...

Ванюшка не утерпел, перебил:

— Где, товарищ командир?

— А дядя твой, — как бы не слыша вопроса, продолжал Кравчук,—выздоровливает и скоро вернётся в отряд.

— Ой, товарищ командир, правду говорите?

— Не вру, так, значит, правду говорю,—улыбнулся Кравчук и замолчал, изучающим взглядом оценивая ребят.

— Что же теперь будем делать, хлопцы?—спросил он после некоторого раздумья.—У нас порядок такой: каждый что-то должен делать, должен за что-то отвечать.

— Что прикажете, то и будем делать, товарищ командир,—на этот раз ответил Санька.

Кравчук встал. Поднялись и ребята.

— Хорошо, хлопцы, найдём вам работу по плечу... А сейчас марш к вашему дяде Миколу и чтобы такое условие: во всем его слушаться...

— Есть, во всём слушаться!—совсем повеселели Ванюшка с Санькой и, обнявшись, побежали к своей землянке.

А Кравчук стоял, долго смотрел им вслед, и сердце его было наполнено не знающей границ отцовской радостью.

XXI

Командир отряда был из тех людей, которые не любят медлить. Проводив ребят, он тут же приказал ординарцу:

— Позови мне Михася.

Минут через пять перед Кравчуком стоял молодой партизан, один из тех, кто вчера задержал Миколу и его спутников.

Был этот Михась, по фамилии Чуб, юноша с буйными кудрявыми волосами и жгучим взглядом озорных глаз. В отряде его считали лучшим разведчиком. Ему поручались самые ответственные дела и ему же, Михасю Чубу, попадало от Кравчука больше, чем другим. В отряде установилось мнение, что если Кравчук вызывал Михася, то на это были только две причины: или Михась получал сложное боевое задание, или Кравчук устраивал ему очередную «баню». Партизаны настолько изучили Михася, что безошибочно могли определить—зачем его вызывали в штаб. В первом случае он выходил из землянки важно, преисполненный довольства и независимости. Зато после «бани», под незлобивый смех товарищей, вылетал пулей, и те, помня долг вежливости, поздравляли его:

— С лёгким паром, Михаил Григорьевич!

— Спасибо,— огрызался Михась.— Венчиков-то у него и про вас хватит.

Попадало Михасю за дело. Ругал его командир за излишнюю горячность и особенно за ту, иногда очень вредную, удаль и безрассудное мо-

лодечество, которых в биографии молодого партизана было больше, чем достаточно.

Как-то в разведке Михась зашёл в одну деревню и попал на сходку. Толстый, точно откормленный боров, комендант на чём свет стоит ругал стоявших перед ним колхозников за несвоевременную доставку продуктов. Затерявшись в толпе, Михась не столько слушал угрозы коменданта, сколько разрабатывал план действий.

— Всех отправлю в Германию!—кричал комендант.

— Не успеешь,—про себя сказал Михась.

Тихо, осторожно, сантиметр за сантиметром, он пробирался через толпу, и, выбравшись вперёд, в упор выстрелил в коменданта. Тот, не успев даже крикнуть, рухнул мёртвый. Был убит и сидевший рядом с комендантом предатель-староста.

Михасю удалось благополучно перескочить через забор, но его заметили, и за партизаном погнались немцы. «На голову надейся, а о ногах не забывай»,—шутил часто Михась, рассказывая товарищам о своих многочисленных приключениях. Ноги и на этот раз выручили его. Ему удалось добежать до леса и спрятаться в болоте. В отряд он вернулся только через двое суток—голодный, грязный, но, как всегда, весёлый и неунывающий.

За этот проступок Кравчук особенно крепко «парил» Михася.

— Храбрость без ума немного стоит,—сказал он под конец.

— Душа не вытерпела,—оправдывался Михась.—Стоит, подлец, и наших русских людей ругает... А то я не стал бы с этим чортом связываться...

Каждый раз Михась давал командиру слово

больше не заниматься подобными делами и опять нарушал его.

Однажды, после очередных приключений, которые стали известны Кравчуку, он вызвал Михася и даже не ругал его, а сказал спокойно:

— Будешь отсиживаться на базе, в разведку не пойдешь.

Именно этого Михась боялся больше всего. Ему, казалось, что для него теперь всё потеряно. Сидеть на базе, когда душа рвётся в бой, когда весь смысл жизни для него заключается в движении, риске и опасности... Может ли быть какое-нибудь наказание суровее этого? Просить Кравчука?.. Но уже не раз нарушенному честному слову он не поверит и, тем более, ни за что не отменит своего решения. Не таков командир Кравчук!.. И Михась, не выдавая своего волнения, коротко отрезал:

— Есть отсиживаться на базе.

И вот теперь, идя в штабную землянку, он терялся в догадках,—зачем бы мог позвать его командир? Уже целую неделю он никуда из лагеря не выходил, нёс скучную караульную службу, и никаких проделок за собой не знает. Выходит так, что на этот раз бани не предвидится. «А, может быть, простил?—питая очень слабую надежду, подумал Михась.—Нет, этот из железа, этот не простит».

Попросив разрешения, он вошёл в землянку и доложил:

— Партизан Чуб по вашему приказанию явился!

— Садись,—неожиданно предложил Кравчук.

Он пристально посмотрел на Михася и сразу заметил, какая разительная перемена произошла

в этом человеке. В нём не было привычной живости, кудри, за которыми он так любовно ухаживал, потеряли былую пышность, и даже блеск всегда озорных его глаз как будто потух.

— Вот что, Михась,—медленно выговорил Кравчук.—Я хочу поручить тебе одно важное дело...

— Задание?—поспешно встав и опуская руки по швам, спросил Михась.

— Сиди, я сам скажу,—остановил его командир.

— Слушаюсь!..

— Ты знаешь, что к нам в отряд прибыло двое ребят. Ну, как они, по-твоему?

— Как бы сказать? Ничего вроде пацаны...

— Ну, и я так думаю, что ничего. Беда только в том, что они ничего не знают и ничего не умеют. Их надо учить, воспитывать. Их надо сделать партизанами. Вот я и хочу поручить это дело тебе...

Михась удивлённо взглянул на командира, подумал: «Значит, не совсем я из веры вышел».

— Ну, как?—прервал эти размышления Кравчук.

— Если надеетесь...

— Если бы не надеялся, то и не позвал бы,— снова перебил Кравчук.—Именно ты будешь им лучшим учителем. И не только потому, что сам ловок и опытен, а ещё и потому, что сам ты совсем недавно был таким, как они.

— Это верно!—согласился Михась.

— Мы тебе поможем. Но помни: дисциплина—прежде всего. Учитель должен показывать пример.

— Понимаю, товарищ командир.

— О своей работе будешь мне докладывать.

— Слушаюсь! Можно идти?

— погоди!—Кравчук помедлил, как бы обдумывая что-то.—Это не в моих правилах, но для тебя сделаю исключение... Если выполнишь поручение—сниму с тебя наказание.

— Будет выполнено, товарищ командир!—не помня себя от радости, гаркнул Михась.

— Иди!

Любопытные, собравшиеся около землянки чтоб поздравить Михася с лёгким паром, на этот раз были сбиты с толку. Действительно, Михась выскочил из землянки пулей, но на лице его было столько радости и блаженства, что от него, кажется, исходило сияние.

— Задание получил... Простил видно Кравчук-то,—решили озадаченные Михасевы благодетели.

XXII

Партизанская война своеобразна, и дело партизана очень сложно. Он должен знать много таких вещей, без которых легко может обойтись солдат регулярной армии.

Михась Чуб не кончал никаких военных школ, но оказался неплохим учителем. В этом помог ему богатый практический опыт.

В первые дни он научил ребят обращению с ручным оружием: винтовкой и автоматами—отечественным и немецким. Но особое внимание в неписанной программе Михася было уделено обращению с минами и различными взрывчатыми веществами. Свой первый урок по этому вопросу Михась начал словами:

— Минёр ошибается только один раз в жизни...

Он толково объяснил, почему минёр ошибает-

ся именно однажды. Ребята знали это и раньше, но объяснения Михася убедили их ещё раз, что минное дело надо изучить особенно тщательно.

Этого же добивался и Михась. Совместные усилия учителя и учеников не пропали даром. Как-то вечером Михась зашёл к Кравчуку и в несколько кудреватых выражениях доложил, что отряд «Кровь за кровь» пополнился двумя толковыми минёрами.

— Благодарю за службу!—сухо похвалил Кравчук.—Продолжай занятие.

Михась удивил ребят, когда начал преподавать им специально партизанскую науку условных сигналов. Ванюшку и Саньку даже охватило грустное разочарование. Им показалось, что они никогда не смогут научиться делать это так, как делает их учитель. А Михась и взаправду был артистом: с неподдельным подражанием заливался соловьём, куковал кукушкой, ухал по совиному, свистел скворцом, трещал сорокой.

— Не сможем,—сознавались Ванюшка и Санька, опечаленные неудачами.

— Медведя учат, а вас-то уж как-нибудь...—не унывал Михась.

А когда выучил, пожурил ребят:

— Никогда и ни в чём не отчаивайтесь. Это партизану не годится.

Слово, данное Кравчуку, Михась держал с честью. Он был неутомим. Пройдя полный курс звукоподражания лесным пернатым, он начал обучать их тому, как ловчее залезть на дерево, спрятаться в его листве, как ориентироваться без компаса: по коре деревьев, спилённым пням и по небесным светилам.

Но как ни интересны были занятия, они начали ребятам прискучивать. Ванюшка сказал:

— Учёба—дело хорошее, а когда мы всё-таки приступим к настоящему делу?

Михась ответил:

— Об этом нас не спросят... Я и сам по настоящему делу соскучился, а вот жду, терплю.

Но ждать пришлось недолго. Однажды Михась вызвали в штаб прямо с занятий. Он пробыл там с полчаса и вернулся весёлый, возбуждённый. С ходу бросившись на пёстрый ковёр из травы и опавших листьев, он проговорил:

— Дождались... Пришёл и наш черёд.

— Какой черёд? Расскажи!— приставали ребята.

Но Михась медлил, испытывая терпение своих учеников.

— Зачем в штаб вызывали?—не унимались те.

— Задание получил.

— Какое?—разом вырвалось у обоих.

— Сейчас расскажу...

Михась уселся поудобнее и продолжал:

— Километрах в пятнадцати отсюда, в деревне Бараниха, одна собака продана фрицам. По всей нашей округе пока не было таких негодяев, а вот один нашёлся: заделался старостой и выдаёт карателям наших людей. На днях там повесили две семьи партизан нашего отряда. Выдал их этот староста... Так вот, надо пристукнуть этого мерзавца. Поняли?

— Поняли!—ответил за себя и за друга Ванюшка.

— А что поняли?—неожиданно спросил Михась.

— Ну... старосту надо убрать.

— А как?

Этот вопрос поставил ребят втупик. Как, в самом деле, можно это сделать?

— Ладно,—выручил их Михась.—Я подумаю.

Вечером он зашёл к ребятам в землянку. До этого он уже разработал план операции и теперь посвятил в него своих будущих соучастников.

— А сейчас мы кое-что подрепертируем,—сказал он, сев на нары и поставив ребят у двери.—Хоть это мне и противно, но пусть будет так: будто я сейчас не партизан Чуб, а тот самый предатель, староста из Баранихи, и вы стоите перед ним. Что вам надо делать?

— Что-нибудь соврать,—сказал Санька.

— А что соврать?

— Ну, сказать — кто мы, откуда и зачем пришли в деревню...

— Верно. Начнем.

Михась вдруг топнул ногой и страшным голосом заорал:

— Какого чорта вы таскаетесь по деревням? Что у вас, крова нет?

— Мы... мы едем домой... Убежали из лагеря,—залепетал, всхлипывая, Ванюшка.—Кусочек бы нам...

— Оставить! Никуда не годится!—крикнул Михась.—Подумай, к кому ты заявился?

— К старосте,—не поняв своей ошибки, ответил Ванюшка.

— В том-то и дело, что к старосте. А кто староста? Предатель, пёс фашистский! А вы докладываете ему, что убежали из лагеря... Да вас тут же на перекладине вздернут. Так ли я говорю?

— Так,—согласился Ванюшка.

— Со старостой надо иначе говорить. Надо заделаться поклонником Гитлера, чтоб ему подохнуть!.. Давайте снова...

Репетиция затянулась надолго...

XXIII

Кравчук, провожая ребят, ещё раз предупредил:

— Самое главное — не теряйтесь перед врагом. Если вы его не обманете, он вас обманет, и тогда...

Ванюшка и Санька понимали, какие слова не досказал командир. Но они были почему-то уверены, что операция закончится благополучно и, как умели, заверили в этом командира.

Прошло положенных два дня, а Михась с ребятами не вернулся. Не вернулись они и на третий день.

Кравчук начал беспокоиться. Уж не втянул ли этот Михась ребят в очередную свою авантюру? Не рано ли он выпустил его из лагеря?

Зоя вспоминала свою первую встречу с этими милыми подростками, путь по лесным дебрям до лагеря... И от догадок, что же теперь с ними могло случиться, ей становилось тоскливо.

Но больше всех волновался Микола. Он работал в оружейной мастерской отряда, и у него хватало времени передумать обо всём. Ему, спасшему Ванюшку и Саньку от стольких опасностей, было особенно тяжело подумать, что они могли погибнуть на первом же задании.

Каждое утро он появлялся в землянке Кравчука и тот, не дожидаясь вопроса, говорил:

— Нет, Микола, не вернулись...

— Неужели попались?

— Трудно сказать... Бывает...

— Вожак-то у них опытный...

— Опытный, но горяч,—не скрывал Кравчук.—Побаиваюсь за него.

Наступили четвёртые сутки, а Михася и ребят всё не было.

— Значит, попались,—сказал Кравчук своему заместителю.—Надо послать разведчиков.

Партизанам, которые должны были пойти по следам Михася, командир наказывал:

— Во что бы то ни стало разузнайте, куда девались Чуб и ребята. Если староста жив — прикончить!

— Будет исполнено!

Пожимая разведчикам руки, Кравчук предостерегал:

— Будьте осторожны, чтобы из-за одной собаки нам не потерять людей... Ну, в добрый путь!

Но партизаны ещё не успели тронуться, когда в землянку вбежала Зоя.

— Идут!—радостно закричала она.— Идут, идут!..

Партизаны поспешно вышли из штаба и увидели, как с невысокого пригорка по тропинке гуськом спускались Санька, Ванюшка, какой-то незнакомый человек и замыкавший шествие Михась.

— Пришли?—точно не веря себе, обнимая поочередно ребят, спрашивал Кравчук.— Пришли! Но почему так долго задержались?

— Вот из-за этого «фрукта»,—указал Михась на лохматого незнакомца.— Не хочет идти в отряд да и только... Уж я его и так и сяк: и каши, мол, дадим, и спать уложим, а он — ни в какую...

— Так, так,—произнёс Кравчук, вглядываясь в чужака.—Тот самый?

— Без подделки, товарищ командир,—глаза Михася снова искрились озорным блеском.

Всем хотелось узнать подробности этой операции, но Михась взмолился:

— Мы три дня не ели, не спали, имейте совесть, друзья...

— Правильно! — заметил Кравчук.—Пусть отдохнут.

Он привёл разведчиков в свою землянку, распорядился принести им обед, после которого Михась и начал рассказ...

XXIV

До Баранихи трое молодых партизан добрались к вечеру. Чтобы не навлечь подозрений. Михась остался в одном из мякинников, а Ванюшка с Санькой вошли в деревню.

Увидев женщину, черпавшую из колодца воду, они спросили, где живёт староста.

— А на что вам?—удивилась та.

— До дому пробираемся, тётенька,—жалобно ответил Ванюшка.—Хотим переночевать, а немцы велют всем прохожим отмечаться у старосты...

— Так-то оно так,—вздыхнула женщина,—а не лучше ли вам уйти в другое село?

— А почему?

— Не любит наш прохожих-то,—снизив голос до шопота, ответила женщина.

В это время недалеко от колодца скрипнули ворота. Ребята увидели, как со двора выехал мужчина на серой лошади, запряжённой в тарантас. Он уже хлестнул коня, когда на крыльцо выбежала долговязая женщина и крикнула:

— Когда вернёшься?

— Дня через три,—ответил мужчина, свёргывая в ближайший переулочок.

— Вот он, уехал,—сказала женщина.

— Кто?

— Да староста этот самый.

— Куда же?

— А известно куда: в город, поди, к начальству своему.

— Плохо вышло, не удалось поговорить,— пожалел Ванюшка.

— Ой, сынок! То и лучше,—махнула рукой женщина.

И неожиданно, быстро сменив тон, предложила:

— А уж коли негде вам ночевать,—заходите ко мне. В нашей деревне теперь вроде спокойно.

Ребятам это было наруку. От души благодаря женщину, они пошли за ней к околице.

...Когда спустились сумерки, Ванюшка пробрался к Михасю и рассказал обо всем.

— Ладно, иди, я обдумаю,—сказал тот.

Поужинав сама и накормив ребят варёной картошкой с огурцами, хозяйка собралась спать. В дверь кто-то постучал. Сняв крючок, женщина впустила в избу Михася.

— Добрая хозяйка,—сказал он.— Иду домой, выбился из сил, заболел, должно... Разрешите переночевать.

— Оставайся, родной,—сжалилась хозяйка.— У меня вон два мальчика уж ночуют. Я тебе и поужинать соберу...

Устроившись в углу на соломе рядом с «неизвестными» мальцами, Михась ломал голову над тем, как ему выпутаться из этого положения. Возвратиться в отряд, не выполнив задания, он не мог. Где же переждать эти три дня, пока вернётся староста?

Проснувшись, Михась убедился в правильности дедовской поговорки: утро вечера мудренее... На улице лил дождь.

— Как же теперь быть?—вздыхал он.

— А я, дяденька, никак пропаду: у меня все ботинки в дырах,—подпевал Санька.

— Плохи наши дела, пацаны,—у Михася да-

же грудь заболела от вздохов.—Вам в какую сторону?

— А вы чего это так торопитесь?—ничего не подозревая, допытывалась хозяйка.—Поживите, подождите, пока дождик пройдет. Не объедите, места не пролежите...

Именно этих слов и ждал Михась.

А дождь был как будто в союзе с тройкой партизан. Он лил весь день, всю следующую ночь и перешёл в третьи сутки.

Чтобы не навлечь на себя и малейшего подозрения, ни Михась, ни ребята ничего не выпытывали у хозяйки. Но, видимо, ей самой хотелось отвести душу. Поэтому она рассказывала обо всём, и о проделках предателя-старосты. Бывший кулак, в деревне он появился вместе с гитлеровцами, и те назначили его старостой. Степан Демьянович — так звали старосту — проявил усердие с первых же дней. Он выдал немцам всех активистов. Даже мужа хозяйки, инвалида с деревянной ногой, отправили в гестапо за чтение листовок.

— Будь он проклят, анафема! Свернул бы хоть кто-нибудь ему шею, окаянному!—не скрывая своей ненависти, говорила хозяйка.—Вечно молилась бы за здоровье его губителя, да не находится такой!..

— А, может, ещё и найдется, мамаша,—заметил Михась.

К вечеру третьего дня дождь перестал.

Михась взглянул в окно и сказал:

— Ну, ребята, и так уж мы надоели тётеньке, пора и честь знать.

— Погодите, погодите,—заторопилась хозяйка,—я сейчас огурчиков из погреба принесу, поешьте на дорогу-то.

Когда хозяйка ушла, Михась тихо сказал:

— Ну, друзья-товарищи, до сих пор не подкачали, действуйте так же и дальше... Сегодня тот приедет.

Хозяйка внесла большую миску огурцов и, как бы в подтверждение последних слов Михася, сообщила:

— Приехал, ирод... Пьяный, видно, на всю улицу песни орёт.

Солнечный закат застал разведчиков в том же мякиннике, в котором отлеживался Михась. Он посмотрел в щель между досками и скомандовал:

— Теперь пора. Идите. В нужный момент крикните по-совиному.

В дом старосты Ванюшка и Санька взошли по строгому христианскому обычаю: сняли потрёпанные кепки и перекрестились на образа. Староста сидел за столом перед недопитой бутылкой самогонки.

— Добрый дяденька, ради бога пусти переночевать, — взмолился Ванюшка. — Никто не пускает...

— Откудошние? — спросил староста, пристально глядя на смиренно стоящих подростков.

— Дальние, дяденька: из-под Минска... Домой пробираемся. Нас сначала красные на восток гнали, а потом немцы дали им духу, а мы попрятались. Нам домой хочется.

— Дело! — подтвердил староста. — Правильно поступили... Оставайтесь... Варвара! — вдруг заорал он, — дай ребятишкам шей! Садитесь сюда...

Они сели за стол, и Ванюшка даже всхлипнул от щедрот старосты.

— Плакать не надо, — отмахнулся тот, — прошло то время, когда наш брат плакал. Теперь только и жить да радоваться.

Староста выпил самогону, закусил и, радуясь появлению собеседников, начал хвастаться:

— И я много пострадал при советах. И в тюрьме просидел и чужбины отведал... Всё тогда у меня отобрали, а теперь я вот вернул обратно... Я теперь всей деревне голова! Хочу казнь, хочу милую... Попробуй потягаться со мной, любого в дугу согну.— Староста показал руками, как он может гнуть в дугу.— Вот вчера в городе был наш съезд... Новый глава приехал — оберштурм... Оберштумфер... Фу, ты! Язык сломаешь, пока научишься выговаривать... Ну, словом, новый начальник... Молодец такой — Генрих Шварц...

«Генрих Шварц!—едва не вскрикнули Ванюшка и Санька.— Так вот где он теперь!..»

А староста продолжал:

— Славный немец. Гитлер собственноручно, понимаете—соб-ственно-руч-но!—дал ему награду!.. Этот Генрих Шварц похлопал меня по плечу да и сказал: «Дадим, говорит и тебе награду, Степан Демьяныч... А добра, говорит, ты себе сам достанешь: бери что только понравится, живи, как помещик».

И без того уже пьяный, староста выпил ещё полстакана:

— Вот какой ваш благодетель Степан Демьяныч... Живите у меня! Мне батраки нужны...

Вскоре «благодетель» храпел на кровати, куда его уложила жена.

— А вас где положить?—спросила она ребят.— Здесь ляжете, или в другой комнате постелить?

— У нас одёвка грязная. Зачем в те комнаты?..

— Ладно,—согласилась старостиха.—Только если ночью во двор будете выходить — двери хо-

рошенько запирайте. Теперь разный люд шагается...

— Хорошо, тётенька, спасибо вам...

Старостиха потушила огонь, и в доме стихло. Лишь изредка всхрапывал староста.

Переждав ещё немного, Ванюшка осторожно, как это может делать только разведчик, вышел во двор, и у ворот дважды пугливо вскрикнула сова. Санька, поднявшись, тихо накиннул крючок на дверь, за которой спала хозяйка: так безопасней. Михась вошел следом за Ванюшкой. На миг он фонариком осветил кровать, и староста, захлебнувшись, перестал икать. Пьяный, спр-сонья, он не мог ничего сообразить. От сильной боли в ушах, тугой тряпки во рту и крепко связанных рук и ног ему показалось, что он летит в пропасть...

Всё это было сделано так мастерски, что старостиха ничего не услышала. На дворе проснувшийся предатель попробовал было освободиться. Михась стукнул его рукояткой пистолета и пригрозил:

— Если хочешь жить — не рыпайся!

Вытащив «главу деревни» через огороды к мякинникам, Михась бросил его на землю, сказав внушительно:

— Хватит тебя таскать, много чести будет. Давай, топай по холодку.

Однако, предателю пришлось ещё раз дать понюхать револьвер, прежде чем он покорился своей участи.

Непроглядная осенняя ночь помогала разведчикам быть незаметными, но идти было трудно. В полукилометре от деревни наткнулись на какой-то обрыв и едва не свалились с него. Пока Михась осматривал местность, староста камнем бросился

с обрыва. Раздумывать было некогда, Ванюшка и Санька прыгнули вслед за предателем.

Старосту поймали. Михась сделал ему не совсем вежливое внушение, стукнув пару раз рукояткой пистолета по шее: не бегай!

Побоявшись, что с таким трудом взятая добыча задохнется, Михась вынул изо рта старосты тряпку.

— Куда вы меня ведёте?—застонал он.

— На суд народный...

— Отпустите... Я заплачу вам, много заплачу.

— Молчи, погань!—пригрозил Михась.—А то опять кляп забью...

Последним препятствием на пути разведчиков была река. Прошлый раз они переправились на старой лодчонке, но теперь её не оказалось.

— Ничего не сделаешь, придется вплавь,—решил Михась.

— Утону!—завопил староста.

— Не утонешь, не дадим,—успокоил его Чуб, вынимая из кармана длинную тонкую бечёвку.

Староста понял в чём дело и взмолился:

— Поплыву, сам поплыву.

Но Михась сделал свое дело: он заарканил предателя.

Вдруг где-то недалеко послышался собачий лай. Должно быть, немцы кого-то искали. Это понял и староста.

— О-ой! Погибаю!—во весь голос завопил он.

Михась прыгнул в воду и потянул его за собой.

— Подгоняйте сзади!—крикнул он ребятам.

Они подплывали уже к берегу, когда за спинами послышались выстрелы, засвистели над головами и зачиркали по воде пули. Зная, что пуля не разбирается ни в чём, староста не отставал от своих похитителей.

Из этой схватки разведчики вышли победителями, понеся самый незначительный урон: была потеряна рваная Санькина кепка.

XXV

На допросе старосты партизаны с удивлением смотрели на человека, который ещё вчера был подобен грозе, а сейчас превратился в пресмыкающегося. Староста несколько раз вставал перед Кравчуком на колени, умоляя сохранить ему жизнь.

— Не по своей воле... Виселицей пугали... Вот, крест святой!—выдумывал он одно оправдание за другим.

Но Кравчук не верил ни святому кресту, ни, тем более, словам предателя.

— Хватит,—отрезал он,—всё ясно!

И помолчав, он заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Удивительно, до чего все эти люди похожи один на другого. Сначала предают родину, а потом у неё же пощады просят. Думают, родина всё вытерпит и всё простит. Уж этот не первый мне сапоги лижет... А возьми партизана. Да разве он перед фашистом будет ползать? А?.. В глаза ему перед смертью наплюёт...

Когда староста был допрошен, Ванюшка обратился к Кравчуку:

— Товарищ командир, можно мне этому гаду вопрос задать?

— Задавай,—разрешил Кравчук.

— Когда мы с Санькой были у него в доме, он говорил о немецком начальнике Генрихе Шварце. Пусть скажет: есть ли у этого Шварца на груди золотая цепочка?

— А зачем это тебе?—поинтересовался Кравчук.

— Расскажу потом, товарищ командир, а сейчас пусть скажет...

— Эй, ты,—сурово посмотрел Кравчук в сторону старосты,—слышал вопрос нашего разведчика? Была у Шварца золотая цепочка?

— Вроде была... Он часто вынимал часы из грудного кармана,—ответил староста.

— Значит, он,—проговорил Ванюшка,—взглянув на Саньку.

— Он,—утверждающе мотнул головой тот.

Когда старосту увели, Кравчук поинтересовался:

— О какой золотой цепочке ты спрашивал?

Ребята рассказали командиру страшную историю этой цепочки.

— Ничего, ребята,—успокоил Кравчук,—придёт время, и он дорого заплатит за эту цепочку... А время это близится. Только будьте терпеливы, не теряйте мужества. А за выполнение первого боевого задания выношу вам благодарность.

— Служу Советскому Союзу!—отчеканили ребята.

— Ну, а теперь вам, как настоящим партизанам,—сказал Кравчук,—вручаю боевое оружие.

И вынув из-под столика два совсем новеньких ППШ, он передал их ребятам.

— Товарищ командир отряда!—в один голос произнесли Ванюшка и Санька.—Получая из ваших рук автоматы, мы клянёмся, что не посрамям звания партизан и чести советского оружия!

Кравчук догадался: торжественная клятва — школа Михася Чуба...

XXVI

Как и другие партизанские отряды области, отряд Кравчука получил от партийного центра радиограмму о том, чтобы активизировать свои действия. Наша армия гнала фашистские полчища к Днепру, и надо было облегчить её усилия.

Многочисленные группы партизанских минёров уходили из лесов взрывать железнодорожное полотно и мосты на большаках.

В отряде Кравчука не оставалось свободных бойцов — все уходили на задания. Группы партизан возвращались в расположение лагеря, отсыпались, отдыхали и уходили вновь.

Ванюшка и Санька несколько раз просились у Кравчука на задание. Тот не отказывал им, но и никуда не посылал.

— Подождите,—говорил он,—работа и для вас останется.

Нельзя сказать, что ребята бездельничали. Они помогали минёрам изготавливать заряды, чистили на кухне картошку, бывали в карауле. Но всё это казалось им ненастоящим и скучным делом.

А тут, как назло, на них обрушилось большое горе. В землянку принесли раненого в обе ноги Михася. Увидев своих юных друзей, он приподнялся на локте и улыбнулся.

— Что с тобой, Михась?—еле сдерживая слёзы, спросил Ванюшка.

— А ничего особенного,—ответил Чуб,—поколотили немножко. На войне это бывает.

И хотя Михась говорил с улыбкой, было видно, что ему очень больно. Сквозь тёмную кожу его неузнаваемо похудевшего лица заметно проступала бледность, глаза запали, кудри лежали в беспорядке.

— Как это тебя?

— Ошибся чуть-чуть, погорячился. Ну и поймала меня пуля-то. Да не в этом беда. Обоз-то мы не разбили... задание не выполнили...

Голова его упала на подушку, и ребята услышали тихий, еле уловимый стон.

Почти неслышно вошел Кравчук, тихо спросил:

— Спишь?

— Нет.—Михась открыл глаза.

— Ах, Михась, Михась,—вздыхнул Кравчук.— Как это не ко времени получилось...

— Выходить из строя всегда не ко времени, товарищ командир,— снова улыбнулся раненый.

— Конечно, теперь ничего не поделаешь... Почему не рассчитал точнее? А ведь сколько раз предупреждал тебя... Сколько раз! Вот и получилось: и дело испортил, и себя искалечил.

Тяжело дыша, Михась молчал, сознавая, что командир прав. Не погорячись он, не выскочи раньше времени из засады — не было бы этой беды.

— Командир здесь? — спросил кто-то, открывая дверь.

— Здесь.

Вошёл приземистый партизан со щетинистой бородкой, в пиджаке домотканного сукна, откозырнул:

— Разрешите доложить, товарищ командир!

— С чем пришёл, Пахомов?

— Хорошего мало, товарищ командир. Мост около Липовки фрицы снова в ход пустили.

— Не может быть! — удивился Кравчук. — Ведь три дня назад мы его разбили. Не путаешь с другим мостом?

— Никак нет! Видел своими глазами, из камыша наблюдал.

— Та-ак! — делая скрутку, протянул Кравчук.

Он выслал всех из землянки и, оставшись с Михасём вдвоем, взволнованно заговорил:

— Липовский мост имеет очень важное значение. По этой дороге они подбрасывают к фронту технику, снаряжение и боеприпасы. Мы не можем допустить этого, иначе — грош нам цена. Мост должен быть взорван сегодняшней ночью.

— Правильно! — согласился Михась, глубоко вздохнув.

— Кого послать на эту операцию?.. — Кравчук задумался. — Пока все на задании... Если этого, Пахомова? Но уж очень он нерасторопный... А что, если... Как ты думаешь?

— Хорошо проинструктировать — сделают, —

ответил Михась. — Подрывное же дело оба знают.

— А Пахомов доведёт их до места...

С ребятами Кравчук и Михась говорили напрямик, без намёков, ничего не скрывая. Конечно, мост сильно охраняется. К тому же он на открытом месте, и только с одной стороны к нему подходит невысокий кустарник. Надо действовать осторожно, иначе не спастись.

На взрыв моста пошли четверо: пожилой партизан Пахомов, Ванюшка с Санькой и тощая пёстрая корова.

XXVII

— Ну, вот и пришли! — сказал, останавливаясь, Пахомов. — Вон он...

Ребята посмотрели в указанном направлении и увидели километрах в двух от себя большой деревянный мост. Одна — дальняя — его половина блестела свежеструганными брёвнами.

— Ну, счастья да удачи вам, сынки, — напутствовал волновавшийся Пахсмов.

Сквозь рубашку Ванюшка потрогал тяжёлую сумку с толом, проверил шнур, спички: всё в порядке.

— Пошли, Санька!

Он взялся за верёвку, привязанную к рогам коровы, Санька тронул её хворостиной, и вся эта несколько странная процессия тронулась вдоль опушки.

— Помни, — поучал Ванюшка шагавшего теперь рядом с ним друга, — если задержат — ответ один: у нас пропала, мол, корова, искали её и вот нашли... А родом мы из Осиновки. Понял?

— Понял.

Оба не спускали с моста глаз. На обоих концах

его стояли грибки, около которых неспеша прохаживались часовые. Вот с противоположной стороны показался мотоцикл. У моста он на минуту задержался и помчался дальше, поднимая клубы пыли.

Ребята вышли на дорогу, пересекающую шоссе.

— По дороге идти лучше — подозрений меньше, — решил Ванюшка, свёртывая на просёлок. — Погоняй быстрее, чтобы казалось, что мы очень спешим.

До шоссе осталось не более пятидесяти метров. Направо, в полукилометре, мост... Может быть, часовые не заметят? Хорошо бы...

Но глаза врагов были повсюду. Перед ребятами, точно из-под земли, появился солдат в больших жёлтых очках и маскхалате, похожем на шкуру лягушки.

— Хальт!

Держа автомат наготове, часовой подошёл к остановившимся ребятам и впился глазами в Ванюшку.

— Куда идёйт малшик?

— Домой... хаус... Вон наша деревня, Осиновка. У нас вот эта Пеструшка пропала, корова... ферштейн?

— Ферштейн, ферштейн! — согласно закивал часовой. — Короф, млеко...

— Никс, пан, — используя скудный запас немецких слов, покачал головой Ванюшка, — не даёт она молока...

— Гут, гут! — не понял немец, спрыгивая в окопчик и возвращаясь с крышкой от солдатского котелка.

— Надой ему, — сказал Ванюшка Саньке

и тихонько добавил:—Хочет, видно, он этого млека, как тигр крови.

Санька положил хворостину и принялся доить корову. Ему никогда не приходилось этого делать, от напряжения онемела рука, со лба пот крупными каплями катился. Но всё же ему удалось надоить крышку до краёв.

И вдруг произошло событие, едва не испортившее всё дело. Пеструшка неожиданно брыкнула задней ногой и угодила по посудине с молоком, вылив из нее всё без остатка.

Предвкушавший блаженство, часовой сразу расвирепел:

— Звиня! Скот! — кричал он на ребят, вскидывая автомат. — Пуф, пуф!..

Но всё обошлось благополучно.

— Пошэль! Шнель!—заорал он, размахивая руками.

Ванюшка дёрнул корову за верёвку, Санька безжалостно протянул её вдоль бока хворостиной, и все трое побежали.

На бегу Ванюшка несколько раз оборачивался назад, наблюдая за часовым. Сначала он виднелся, а потом пропал, должно быть, залез опять в свою нору... Да и что за интерес смотреть за двумя оборванными мальчишками?.. Пусть идут своей дорогой.

Иначе думали сами ребята. А что бы было, если бы тот вздумал их обыскать?

— Вот чортова скотина! — изругал Санька Пеструшку и ударил её хворостиной.

Дорога привела в кустарник. Осмотревшись. Ванюшка сказал:

— Ну, хватит.

Они отвели Пеструшку подальше от дороги в

кусты, а сами, свернув направо, осторожно зашагали к мосту.

XXVIII

Короткие осенние сумерки сгущались быстро. На западном склоне неба громоздились тяжёлые тёмные тучи, и только по светлой полоске у самого горизонта можно было угадать, что солнце зашло. Стало прохладно.

Ванюшка и Санька брели по невысокому, но частому кустарнику. Вот он начал редеть, и сквозь просветы они увидели совсем недалеко от себя мост.

— Стоп! — тихо скомандовал Ванюшка. — Тише!

Шагов через двадцать они остановились на опушке, возле куста ольховника. Забравшись в середину его, ребята стали внимательно наблюдать. И в это время произошло такое событие, при воспоминании о котором потом у них пробегали по спине мурашки. Рядом послышался треск валежника. В голове у обоих молнией пронеслась мысль, что их заметили и преследуют. Затаив дыхание, ребята прислушались. Шаги были медленные, тяжёлые и всё ближе и ближе.

Набежавший порыв ветра вспугнул тишину. Ребята до боли напрягли слух, стараясь уловить треск валежника под ногами преследователя, но вместо этого услышали тихое и жалобное мычание.

— Фу, чорт! Да ведь это наша Пеструшка! — догадался Ванюшка.

Чтобы корова не вышла на открытое место, Санька отвёл её назад, в кустарник, и крепко привязал к дубку.

— погоди, Пеструшка, мы зайдём за тобой, — похлопывая корову по шее, шептал он.

В кустах снова зашумел порывистый ветер, и по листьям зашлёпали редкие дождевые капли.

— Неприятно, но кстати, — сказал Ванюшка, глядя на низкие тучи. — Пошли!

Они двинулись по опушке и вскоре упёрлись в открытую местность. Поблизости от моста кустарник был вырублен начисто.

— Пока всё идёт хорошо, — сказал Ванюшка, поёжившись от холода и сырой одежды. Мелкий осенний дождь начал сыпать как из частого сита. Наступила такая темнота, что в двух шагах от себя было трудно что-либо увидеть.

Пользуясь положением старшего, Ванюшка отдал последнее распоряжение:

— Ты оставайся здесь, а я пошёл... Двоим делать нечего, управлюсь один... А если что... так всё-таки один... Оставайся и жди...

Он исчез в темноте.

Ванюшка полз спокойно, опасаясь лишь того, как бы не сбиться с направления к мосту.

В последующих событиях Ванюшка разобрался не сразу. Сначала он услышал выстрел, вернее даже не выстрел, а хлопок, потом какое-то шипенье в воздухе. Не поднимая головы, он увидел, что мост и всё вокруг залито дрожащим фосфорическим светом. Часовые пустили ракету.

Никогда, ни до этого, ни после Ванюшка не прижимался так плотно к земле. Рассказывая впоследствии об этом случае, он шутил, что на том месте, где он лежал в эту минуту, на земле, вероятно, получилась вмятина.

Этот случай не только напугал, но и во многом помог юному герою. Ванюшка стал осторожнее. Теперь он полз уже с расчётом, что немцы могут осветить местность каждую секунду. Цепляясь где за траву, где за тоненькие пенёчки вы-

рубленного кустарника, он подтягивался, даже не опираясь на локти, и метр за метром подвигался к цели.

Вот снова раздался хлопок, и снова такой же дрожащий свет залил окрестность, но Ванюшку он уже не застал врасплох. Самый зоркий наблюдатель не смог бы на чёрной от дождя земле признать в каком-то покрытом грязью комке человека. Да опасность и сама по себе на этот раз была меньшей: ракета была пущена по другую сторону моста.

«Только бы добраться до свай, — думал Ванюшка, — а там не заметят... Но как это сделать быстрее?»

На этот раз ему помог совет Михася. Как-то однажды он в кругу партизан рассказывал:

— До чего же аккуратный народ эти немцы... Вот, скажем, начала ихняя батарея обстреливать какой-нибудь наш участок. Вот сами проверьте, братцы: если между первым и вторым выстрелом прошло пять минут, то эта батарея будет гвоздить целые сутки через пять минут выстрел... Уж такие это аккуратные вояки.

«А что, если Михась прав? А что, если попробовать?»

Сильным пружинистым движением Ванюшка вскочил на ноги и опрометью бросился к мосту.

Наблюдения Михася подтвердились. Юный герой успел уже залезть в верхние переплетения свай, когда зашуршала третья ракета, только теперь она была уже не опасна.

Внизу перекатывались волны, по настилу моста барабанил дождь, но Ванюшка работал осторожно, избегая малейшего шума. Прикрепив сумку с толом на крепления моста между сваями, он приладил шнур... Теперь осталось поджечь его и отойти... Здесь надо рассчитывать всё до секунды, иначе... И Ванюшка считает эти секунды. Спрыгнуть — секунда, отбежать от моста...

Но в это время на шоссе справа послышался гул моторов. «Машины идут!»

Он вынул спички и чиркнул одну под полой

пиджака. Спичка не зажглась. Он взял другую — тоже не горит. Вероятно; спички отсырели. Тогда Ванюшка схватил несколько спичек, сразу в отчаянии с силой ширкнул их о коробку, и желтоватый язычок пламени коснулся его подбородка. Но Ванюшка не почувствовал ожога... Радость заслонила мысль об опасности: шнур подождёт.

Ванюшка подбегал уже к кустарнику, когда в небо взвилась очередная ракета. С моста, видимо, заметили и дали по нему очередью из автомата. Кругом противно завизжали пули. В небе вспыхнуло несколько ракет.

Ванюшка думал, что теперь ему уже не уйти. Торопливо залаяли пулемёты.

— Теперь конец...

Но в это время раздался оглушительный взрыв и Ванюшку резко обдало горячей воздушной волной.

XXIX

Санька видел из кустов, как над мостом взметнулось огромное облако пламени, но что стало с Ванюшкой — он не знал.

Прошло уже много времени, а друга всё не было.

— Неужели?..

Ему показалось, что сквозь шум листвы он слышит неясный крик какой-то птицы. Прислушался, и через какую-нибудь минуту различил на этот раз отчётливый, протяжный крик совы. Сердце его запрыгало: это был условный сигнал.

Через несколько минут друзья бежали по кустарнику — мокрые, вспотевшие, но счастливые.

Со стороны моста редко хлопали одиночные выстрелы.

— Куда направимся? Домой? — спросил Санька.

— Куда угодно, только подальше отсюда, — ответил Ванюшка. — Они сейчас тут всё перевернут вверх дном.

Впереди замычала корова.

— Что с ней будем делать? Жалко ведь оставлять.

— А зачем оставлять? Возьмем!

Правда, без коровы можно было идти быстрее, но всё же ребята не бросили её. Ванюшка взялся за верёвку.

Выйдя на узкую тропинку, он остановился.

— По этой дороге нам идти нельзя, — рассудил Ванюшка. — Она пересекает шоссе, а на шоссе нам лучше не показываться.

Они свернули вправо и зашли в лес.

Ребята часто натыкались на деревья, пни, выступающие над землёй корни. Несмотря на голод и холод, хотелось спать. Сколько времени они шли — неизвестно. Наконец Ванюшка предложил:

— Давай отдохнём.

— Отдохнём, — согласился Санька. — Всё равно до свету напрасно будем блуждать. Где бы только половчее устроиться?

— Найдём, устроимся.

— Как?

— Пеструшку отгоним, а сами залезем на дерево. Привяжемся покрепче. Забыл, как Михась учил?

Они залезли на какое-то толстое и высокое дерево. Под густой его кроной было тихо, и холод ощущался меньше. От ствола во все стороны отходили массивные сучья, как будто нарочно предназначенные для таких вот ночлежников.

— Ну, как? — спросил Ванюшка.

— Жить можно...

Уже брезжил неясный осенний рассвет, когда проснулся Санька. Он попробовал было подняться со своей «постели», но ничего не получилось: одеревеневшие руки и ноги не двигались.

— Вот чорт! — не на шутку испугавшись, проворчал он.

Точно птица встрепенулся Ванюшка:

— Чего ты?

— Сон очень плохой видел. Будто поймал меня вчерашний фриц и давай резать ножом плечо. Режет, режет, крови нет, а всё равно больно. Я хотел бежать — да ноги до колен отвалились... С испугу и проснулся.

— Хорошо, что не полетел вниз, — улыбнулся Ванюшка. — а то и в самом деле отвалились бы.

Тревоги улеглись, друзья сидели на сучьях и весело болтали. Санька смешно махал руками, дрыгал ногами. Кровообращение понемножку восстанавливалось.

— Эге-ге, друг! — неожиданно зашептал Ванюшка, посмотрев куда-то через листву. — А ведь мы с тобой на опушке ночевали. Вон деревня!

Обернувшись, Санька в самом деле увидел расположенную в ложбинке деревню.

— Везёт нам, — сказал Ванюшка. — Если бы не остановились здесь, обязательно попали бы... Ночью, да ещё после взрыва, недолго возились бы с нами.

— Неужели и здесь знают о взрыве?

— Не только здесь, а и в Германии уж, наверное, известно. Ну, спускайся.

— Куда теперь? — спросил Санька, уже стоя на земле.

— Я хотел бы заглянуть в эту деревню...

Санька недоверчиво взглянул на друга.

— Шутишь?

— Нет.

— А чего там делать?

— Во-первых, я есть хочу. Может, какая тётка и накормит. Во-вторых?.. Во-вторых, послушаем, что говорят в деревне и узнаем, кто там обитает. Помнишь, как говорил Михась: ничего мимо глаз и ушей не пропускать.

— А немцы?

— Ничего! — махнул рукой Ванюшка. — Посмотри на себя — рвань рванью... С собой у нас ничего нет: ни оружия, ни сумки... А Пеструшка не помеха...

— Тогда пойдём, — согласился друг.

Опушка осталась позади, когда где-то справа раздался взрыв. Ребята остановились, как вкопанные и быстро переглянулись.

— Что это?

— Как будто мина, — определил по звуку Ванюшка.

— Кто же взорвал?

— Откуда мне знать?.. Пошли быстрее!

Санька подхлестнул Пеструшку, и уже через несколько минут они по узкому переулку входили на пустынную улицу.

— Нет, Ванюшка, здесь ничего не поешь, — хмуро сказал Санька. — Здесь никого нет.

Санька был прав. Они прошли почти по всей улице и не встретили ни одного человека — ни на улице, ни в домах. Ванюшке припомнилась сожжённая Дубовка, и сердце его сжалось.

— Подгоняй! — крикнул он на Саньку.

— А чего?

— Видишь?

— И правда! — обрадовался тот, заметив

как из одной трубы поднимается прозрачный синий дымок.

Через незакрытые ворота ребята прошли во двор. Ванюшка оставил друга у крыльца, а сам вошёл в избу. Его встретила седая старуха и, не дожидаясь вопроса, махнула рукой:

— Никого нет дома.

— А нам никого и не надо, бабушка, — ласково и негромко сказал Ванюшка. — Мы вот шли по деревне, захотели попить и отдохнуть немножко... Можно будет?..

— А чего спрашиваешь? — подкидывая в печку дрова, бормотала старуха. — Нынче не спрашивают. Приходят без приглашения, всё заберут да ещё на перекладине вздёрнут.

— Мы-то, бабушка, не такие. Мы — свои. Родителей фашисты повесили.

Старуха смягчилась, села на лавку и сразу запричитала:

— Господи! За что ты народ наказуешь?.. И меня вот, сынок, старую, одну оставили... Полон дом был семьи, всех истребили, а я живу, и смерть не идёт ко мне... Зови дружка-то, картошечкой накормлю.

Ванюшка крикнул Саньку, и они уселись на широкую скамейку у задней стены.

— Сердце на части разрывается, как вспомнишь, что наделали здесь окаянные, — продолжала старуха. — Весь народ в Германию поугоняли, двух дочек моих увезли. Сноха с грудным дитём в лес убежала, спрятаться хотела... Нашли... И вот на этой воротней перекладине...

— Ничего, бабушка, за всё с них взыщется, — сказал Ванюшка по-взрослому серьёзно, чтобы хоть чем-нибудь успокоить старуху.

— Взыщется, сынки вы мои! Ох, взыщется, сынки вы мои! Ох, взыщется!.. Да только скорей бы...

XXX

Старуха вынула из печи чугуны и поставила его на стол. Пока Ванюшка с Санькой, обжигаясь, ели картошку «в мундире», она расспрашивала, рассказывала о своих горестях, проклинала «супостатов и извергов». Потом вышла было зачем-то во двор, но тут же вбежала обратно:

— Опять понаехали, дьяволы, ироды!..

За окнами по улице медленно ползли грузовики с солдатами. Они остановились на площади у церкви. Солдаты сразу же стащили с машин пулемёты и поставили их дулами в разные стороны. После этого две группы, по пять человек, пошли по обеим сторонам улицы, заглядывая во дворы.

В избу старушки зашёл один солдат, остальные дожидались у крыльца, как бы прикрывая его. На ломанном русском языке он спросил—почему в селе нет народа?

— Вы же, ироды, угнали да поубивали,—зло сверкнув глазами, сказала старуха.

Солдат, должно быть, не понял, открыл дверь и крикнул:

— Ком!

В сенях послышался топот, и в избу ввалилось ещё четверо. Бегло осмотрев просторную комнату, они расселись на лавках. Один поинтересовался, как старухе приходится подростки. Та ответила, что это её внучата—сироты. Опасаясь, как бы чего не случилось с её «внучатами», старуха сдерживала себя, стараясь не грубить нем-

цам. Не бѹдь ребятишек, она, кажется, задушила бы их своими старческими руками.

К великому огорчению старухи, немцы решили остановиться в её избе. В скором времени в доме появился долговязый пожилой ефрейтор. На сносном русском языке он объяснил:

— Матка, у тебя будем завтракать. Надо подмести пол и принести воды.

Старуха молчала. Тогда Ванюшка сказал:

— Бабуся, я пойду за водой, а Санька подметѣт пол. Мети пол, Санька,—приказал он другу, а сам взял ведро и побежал к колодцу.

Возвращаясь от колодца он шѣл медленно, всё высматривая и всё стараясь запомнить. «Пять автомашин... три пулемѣта... два мотоцикла...»

Принеся воду и поставив ведро на крыльце, Ванюшка сказал об этом ефрейтору, не забыв назвать его «пан-офицер». Санька к этому времени заметал уже сени. Ефрейтор одобрительно похлопал мальчика по плечу: ему, видимо, понравились услужливые русские пацаны. Потом солдаты вышли на двор умываться. Ребята подавали им воду. Немцы полоскались долго, о чём-то переговариваясь между собой.

Если бы Ванюшка и Санька знали немецкий язык, они бы поняли, что поиски партизан, взорвавших мост, были безрезультатны, что опустевшие населѣнные пункты немцам теперь нравятся больше: в них спокойнее, чем там, где есть русские люди, из каждой сотни которых девяносто девять—партизаны.

Наконец, умыванье закончилось. Солдаты вернулись в избу и начали вскрывать консервы, резать хлеб. Закусывая, они вели невесѣлые разговоры о том, что оберштурмфюрер после взрыва

липовского моста вне себя и что лучше ему на глаза не попадаться. Не найдя партизан, он зол, как чорт. Начальник охраны моста и его помощник уже преданы военно-полевому суду.

У церкви раздался шум мотора. Ефрейтор бросился к окну и замер.

— Шнель! Шнель!—с испугом закричал он.—
Оберштурмфюрер!

Ванюшка и Санька удивлённо смотрели на ефрейтора и на солдат, которые, давясь непрожёванной пищей, хватали со стола хлеб, консервы, ложки и совали всё это в ранцы. Ефрейтор что-то сказал, и всё, переглянувшись, опасливо посмотрели на дверь. Ванюшка, сообразив, что в избу идёт кто-то из больших немецких начальников, быстро вытер стол.

— Молодец, мальшик!—похвалил его ефрейтор.

Солдаты вытянулись. Дверь отворилась. Ефрейтор бросился навстречу вошедшему и о чём-то бойко отрапортовал. Тот осмотрел всех и грузно сел на лавку.

Ванюшка и Санька не верили своим глазам: это был Генрих Шварц.

Вот он устало взялся за толстую цепочку, вынул часы, открыл их, посмотрел на время и покачал головой. Потом он повторил всё это, но в обратном порядке.

С рабской покорностью смотрели на своего начальника солдаты, следя за каждым его движением. Грозный оберштурмфюрер снял фуражку, положил её на стол и начал стаскивать с рук жёлтые перчатки. Санька вздрогнул: на безымянном пальце левой руки блеснуло кольцо его бабушки...

Шварц сидел на лавке и, уставившись в пол холодным неподвижным взглядом, думал. Думал он о том, что дела его идут всё хуже и хуже... Вот и эта ночь, и это утро принесли столько хлопот. Два пулемёта с лучшими расчётами не могли сохранить липовского моста... Но куда исчезли партизаны? Ни в деревнях, ни в лесу их нет.

Думал Генрих Шварц и над тем, каким образом могла оказаться мина на дороге в Воскресенское? Народу в селе нет. Старуха и эти мальчишки мину поставить не могли. Хорошо, что он ехал в середине колонны...

— И снова пойдут неприятности,—думал он далее.—Мост не сберегли, партизан не поймали... Плохо работаешь, Шварц! Хорошо им подписывать приказы и требовать спокойствия на оккупированной территории!.. Попробовали бы они сами здесь поработать!.. Партизаны так осмелели, особенно как Красная Армия перешла в наступление, что из-за каждого угла жди пули.

О многом передумал Генрих Шварц, сидя на лавке... Солдаты, убитые при взрыве мины, были похоронены в прилесной деревне, а раненые отправлены в городок. Теперь он приехал в Воскресенское, в котором жителей нет, и здесь можно подумать о дальнейших действиях, отдохнуть.

— Это кто?—точно пробуждаясь от сна, спросил Шварц старуху, указав на ребят.

— Внуки, внуки,—сложив руки на груди, ответила старуха.

— Семья?

— Семья... А кто же ещё? Они только и остались!

— Пусть выходят,—хмуро бросил Шварц.

Ванюшка и Санька безмолвно вышли во двор. С минуту стояли молча.

— Узнал?—шопотом спросил Ванюшка.

— Он!

— Мы его ищем, а он за нами следом. Теперь что-нибудь надо придумать... Пойдём за водой.

По дороге к колодцу они увидели под тополем накрытый брезентом грузовик. Передние колёса с него были сняты, около мотора возились шофёры, рядом горел костёр, на котором что-то разогревалось.

— Значит, уезжать не собираются.—догадались юные разведчики.

Они принесли воду, и Ванюшка спросил ефрейтора—не угодно ли его начальнику помыться? Ефрейтор что-то сказал Шварцу, тот кивнул головой.

Вода была нагрета. Шварц помылся и сел обедать. В это время на улице послышался шум, хлопнула калитка, и в избу влетел солдат.

— Герр оберштурмфюрер!..—Смысла дальнейших слов Ванюшка не понял.

— Партизан?!—вкрикнул Шварц, вскочив как ошпаренный.—О-о!

В избу втокнули женщину, с виду нищенку, одетую в рваную одежду, со старым мешком за плечами.

— Партизан?—закричал Шварц, подбегая к женщине.

Та молчала. Шварц наотмашь ударил её по лицу.

— Говорить!

Нищенка покачнулась, пробормотала что-то невнятное, и это бормотанье не было похоже на человеческую речь. Ванюшка взгляделся в женщину, и лицо показалось ему очень знакомым.

— Кто е́сть ты? Куда ходиль? Что делать? — неистовствовал Шварц.

— А-а, ва-а,—замотала женщина головой, показывая пальцами на свой рот.—Нэ, нэ, нэ...

— Н-не!—передразнил её Шварц.—Будешь сказать!

Он крикнул на солдат, те бросились к женщине, закрутили ей руки за спину. Она застонала и повернулась лицом к старушке, точно ища у неё защиты. И Ванюшке снова показалось знакомым это лицо.

— Ва-ва, ва... У-у... нэ, нэ,—бормотала она

Шварц кивнул солдату, и тот отпустил руки женщины. Опытный гестаповец, видимо, не верил в её немоту. Он сказал солдатам несколько фраз, и те начали выворачивать немой руки, ударив её несколько раз по затылку.

Старуха не выдержала. Встав между немой и Шварцем, она изо всех сил крикнула:

— Это же немая! Аль не видишь?!

Солдат грубо толкнул старуху к двери. Старуха упала. Ванюшка кинулся к солдату:

— Не трогай мою бабушку!.. Она и старая, и больная, и ни в чем невиноватая!

— Цурюк!—крикнул немец и, взяв его за шиворот, выбросил за дверь. Вслед за ним вытолкали и старуху.

На дворе у потухшего костра стоял перепуганный Санька.

— Беги сейчас же в отряд,—зашептал Ванюшка.—Найдешь дорогу? Скажи, что Шварц здесь...

— Понял.

— Скажи, чтобы сегодня же ночью...

— Понял.

— Только смотри, осторожно... Сам не падайсь!

— Знаю!

XXXII

— Бабуся, неужели её убили? — дрожащим голосом спросил Ванюшка, когда Санька скрылся в кустах, что росли за сараем.

— Всё может быть. Вот и с моей снохой, царство ей небесное, так же: пытали, пытали, а потом повесили.

Но немая не была убита. Не добившись от неё толку, немцы выбросили её с крыльца. Волосы женщины были растрёпаны, платье разорвано, из левого виска сочилась кровь. Она подняла голову и встретила взглядом с Ванюшкой. Тот вздрогнул от неожиданности. Это была учительница Антонина Ефимовна из отряда «Смерть фашистам», Тоня, с которой они вместе жили в землянке Фёдора Ивановича... Но как она попала сюда? Почему онемела? Ванюшке стоило больших усилий чтоб не броситься к ней, но боязнь выдать себя и Тоню удержала его. Он зачерпнул ковшом остатки воды в ведре и дал немой попить. В сенях он нашёл её мешок с кусками чёрствого хлеба, варёной картошкой, принёс и положил его на ступеньки крыльца.

— Возьми, это твое...

Немая в ответ что-то забормотала, показывая старухе на свой язык и мешок. Старуха ничего не поняла, но догадалась, что немая собирала милостыню.

— Конечно, голодно ей, — вздохнула она. — Дочего, природы, довели народ.

Нищенка встала, застонала от боли. Ванюшка

помог ей надеть на плечи мешок, расправил верёвки, и она тихонько побрела вдоль улицы. Ванюшке страшно хотелось заговорить с Тоней, но он не знал, как это лучше сделать. Идти следом? Пробраться по огородам? Заметят... Его опять выручило ведро—можно сходить к дальнему колодцу...

Немец, охранявший Шварца, отошёл от крыльца и следил, куда пойдёт немая. А немая шла от одного дома к другому, стучала в окно и начинала креститься. Из пустых домов ей никто не откликнулся.

Когда она была уже далеко от избы старухи, Ванюшка, опуская ведро в колодец, позвал:

— Тоня... Это ты?

Жестами она показала, что хочет пить. Когда подошла, тихо и быстро спросила:

— Что тут делаешь? Почему здесь?

— На разведке, я в отряде Кравчука.

Тоня, перекрестившись, наклонилась к ведру.

К машинам, стоявшим у церкви, быстро шёл ефрейтор. Вскоре три из них, на которые забралось более половины находившихся в селе солдат, уехали. Осталось два грузовика, человек двадцать солдат, два мотоцикла и пулемёт.

— Уезжают,—прошептала Тоня в ведро.— И Шварц, наверное, снимется скоро... Только бы до ночи не уехал. Наш отряд охотится за ним, идём по пятам, надо взять живым или мёртвым. Дядя-то твой вернулся из Москвы... Только ни о чём не спрашивай, некогда... Жди в полночь здесь.

Сгорбившись, она пошла в переулок.

— Ва-ва-ва! Нэ-нэ-нэ!—закричал Ванюшка на всю улицу вслед удаляющейся нищенке.

К дому старухи он вернулся с озорным видом. Улыбающемуся часовому, видимо, оставшемуся

довольным его нарочитыми шалостями, Ванюшка показал на свой язык, замотал головой:

— Нэ-нэ-нэ! Не говорит...

Солдат оскалил зубы: дескать, хоть и немая она, а хорошо всыпали ей.

Старуха сидела у крыльца, уставившись в одну точку. Из избы вышел ефрейтор и позвал её

— Ну, чего тебе?—недовольно пробурчала она.

— Топить печь... Кушать будем...

Услыхав о топке печи, Ванюшка бросился во двор и начал таскать в избу дрова. Шварц сидел без мундира, вероятно, считая официальную часть своей работы на сегодня законченной. Он о чём-то разговаривал с солдатами и улыбался.

Ефрейтор сам хлопотал у шестка. Старуха охая, залезла на печь и задремала. Чтобы обеспечить непрерывное наблюдение за улицей, Ванюшка вышел во двор. Он деловито собирал и ставил на положенное место разбросанные вещи, замёл у крыльца и даже начал поправлять плетень.

Солнце клонилось к закату, когда из избы вышел Шварц. Вместе с ефрейтором они пошли к церкви, где стояли машины, и о чём-то разговаривали с солдатами. Ванюшка догадался, что Шварц решил лично проинструктировать солдат. Вскоре он вернулся к себе, а ефрейтор начал разводить солдат по постам.

Пронзительно гудя клаксоном, по улице пронеслась легковая машина. Она остановилась около грузовиков. Из неё вышел невысокий офицер, о чём-то поговорил с шофёрами. Те жестами показали ему вдоль по улице. Офицер захлопнул дверцу кабины, и вскоре машина остановилась против дома старухи.

Ванюшка испугался: не за Шварцем ли приехала эта машина? Из неё вышли три офицера. Они вошли в избу.

Ефрейтор сходил к шофёрам за лампой. Вскоре в окнах показался свет.

XXXIII

Разговор с Тоней очень взволновал и обрадовал Ванюшку. Сбылась его мечта—изловить Шварца. «Только бы не уехал... Только бы не опоздали наши!»

Стемнело, когда он зашёл со двора в избу. Часовой загородил было ему дорогу. Приложив ладонь к склонённой набок голове, Ванюшка сказал:

— Спать хочу, пан... На дворе холодно...

Голос юного партизана звучал неподдельно жалобно.

Тогда часовой сказал:

— Ком! Шнель!—дескать, иди быстрее.

— Иди сюда, сынок,—послышался с печки голос старухи.—Иди, родной...

Это было очень кстати. Сверху было видно всё, что творится в доме.

А происходили тут поистине интересные вещи. К Генриху Шварцу приехали гости, наверное, его друзья, и по этому поводу началась пьянка. Подвыпившие офицеры, разложив карту, тыкали пальцами, о чём-то спорили. Ванюшка не понимал чужого языка, но по отдельным выражениям догадывался, что спор шёл о mine, на которую сегодня чуть не наехал Шварц. Кто мог подложить эту мину?—Этот вопрос больше всего интересовал офицеров. Но сколько они ни спорили, для них это оставалось неразгаданной тайной.

И лишь один Ванюшка догадывался: «Тоня не была с пустыми руками...»

Кончилось тем, что Шварц убрал со стола карту, и, налив стаканы, поставил их перед офицерами, а свой поднял и произнёс немногословный, но очень противный тост:

— Хайль Гитлер!

Выпили. Закусили. Так повторялось несколько раз. Компания заметно хмелела. Все заговорили о своём, что-то горячо доказывая друг другу.

Шварц махнул рукой, прекратив этим спор. Он запел. Офицеры ему подтягивали. О чём они пели—Ванюшка не мог понять, хотя и слышал, что в песне упоминался тот же трижды проклятый Гитлер.

Развеселившийся Шварц подмигнул офицерам и позвал ефрейтора. Тот выслушал, улыбнулся и, открыв чемодан, достал из него ещё несколько бутылок. Уже расплескивая по столу вино, Шварц неуверенной рукой наполнил бокалы, произнёс свой неизменный тост, и собутыльники, на этот раз даже не чокнувшись, выпили. Шварц опять затянул песню, но песня не ладилась. Тогда Шварц махнул рукой, вынул часы, долго смотрел на них, и встал из-за стола. Его примеру последовали и остальные.

Ефрейтор достал из чемодана одеяла и маленькие подушки. Шатаясь, гости начали укладываться спать. Шварц споткнулся о ножку кровати и упал. Уже спящего, ефрейтор уложил его на кровать. Снятые со Шварца сапоги он поставил под кровать, а китель повесил у изголовья на стенку.

Немало хлопот доставили ефрейтору и перепившиеся гости, свалившиеся где попало и как

попало. Пришлось и с них снимать сапоги, кителя.

Прищуриив глаза, Ванюшка наблюдал за ефрейтором. «Неужели этот чорт не уляжется? Неужели сорвутся все планы?» «Приходи сюда в полночь», — припомнились ему слова Тони... Уже, наверное, полночь?..

И тут же подумал о Саньке:

— Удалось ли ему добраться до своего отряда? Не случилась ли в пути какая беда?

Сам не спускал глаз с ефрейтора.

Нет, этот чорт определённо не собирается спать! Вот он садится за стол и начинает свою трапезу. Для чего он уменьшил огонь? Это, должно быть, на всякий случай, чтобы не быть обнаруженным. Но это была совсем излишняя предосторожность: Шварц и его гости спали непробудным сном.

«Чтобы тебе обожраться да лопнуть!» — досадовал Ванюшка. Он чувствовал, как в его груди учащённо бьется сердце.

Но ефрейтор был, кажется, не из жадных на еду. Он интересовался содержимым бутылок. Ванюшка ещё днём обратил внимание на фиолетовый с розовыми прожияками нос этого человека... Ефрейтор опоражнивал один стакан за другим и скоро последовал примеру своих начальников — растянулся на полу.

«Я иду, Тоня!» хотелось крикнуть Ванюшке, но он лежал, пока ещё боясь дышать полной грудью. На какую-то минуту храп прекратился, и в избе сделалось так тихо, что было слышно, как тикают ходики.

Но это длилось недолго. Храп возобновился, Шварц, ворочаясь, заскрипел кроватью, гнусаво забормотал во сне.

Повернувшись на другой бок, он утих.

Этого момента Ванюшка упустить не мог.

Он осторожно, не дыша, слез с печки и остановился у двери. На столе еле мерцал жёлтый язычок привёрнутой лампы. Она почти не светит, но Ванюшка видит всё: спящих офицеров, валяющегося денщика, объедки и пустые бутылки на столе. Но отчётливее всего он видит его, Генриха Шварца... Вот он, совсем рядом... Так близко! Долго ждал Ванюшка такого случая!.. Надо действовать!

Рукоятка кортика торчит из-под подушки. Только потянуть!.. Ванюшка, не помня себя, шагнул к изголовью...

— Сынок, ты куда?

Голос старушки вмиг откинул Ванюшку назад. Бешено заколотилось сердце, и как назло, мыча, заворочался ефрейтор.

Дальнейшие события спутались. Отчётливее всего Ванюшка помнит, что вышел в сени и сказал стоявшему у крыльца часовому:

— Во двор мне, пан...

— Гее хинаус,—сказал очнувшийся от тяжёлой дремоты часовой.

XXXIV

Глотнув свежего воздуха, Ванюшка оправился от волнения и вышел за калитку. Вокруг была такая тишина, какая бывает только на затерянном в поле деревенском кладбище.

— К Тоне! К Тоне!—непрерывно повторял он, спеша к условному месту. Встречи с часовыми он не боялся—видел, куда расставил их ефрейтор. Уйти со своих мест они не могли: Ванюшка знал, что в партизанских районах гитлеровские вояки до этого не большие охотники.

И вдруг чуткое ухо юного разведчика уловило какой-то шорох. Ванюшка прижался к стене дома и скорее понял, нежели увидел, как прямо на него надвигались человеческие тени.

— Патруль!—по телу пробежала крупная дрожь.—Теперь...

Мысль его осталась неоконченной: рядом осторожно крикнула сова.

— Наши! Это Санька!—и забыв об осторожности, Ванюшка бро-

сился прямо на идущих

Кравчук сцапал его в охапку

— Тс-с... Где он?..

— Там!—потянул Ванюшка командира за рукав.—Спит... И еще трое...

— Веди!

Они бесшумно уже подходили к дому, где безмятежно спал Генрих Шварц, как партизаны другой группы натолкнулись на патруль возле машин у церковной ограды. Темноту прорезала синеватая струйка пламени и дремотную ночь расколола длинная автоматная очередь.

Часовой очнулся и опрометью бросился в избу. Истошно закричал:

— Партизанен!

Шварц рванулся, точно обожжённый раскалённым железом. В голове была единственная, выбившая хмель, мысль: «Спаستись!» И не коман-

дую, не крича, забыв о гостях, на ходу схватив китель, кинулся в дверь следом за часовым.

На улице беспорядочно стреляли, где-то близко грохнула граната, кто-то кричал страшное русское слово: «Ура-а!» Обезумевший Шварц прыгнул с крыльца...

...Кравчук, Санька и ещё кто-то, неузнанный в темноте, бежали за Ванюшкой. Он кинулся в широкую калитку и первым увидел, как скользнула тень в глубину двора, к огородам.

— Он!— понял Ванюшка и рывком выхватил у споткнувшегося Саньки автомат. Не целясь, Ванюшка нажал на спусковой крючок. Шварц упал замертво...

— В хату!— крикнул Кравчук и первым перемахнул шаткие ступени.

За ним бросились остальные...

— Ого! Сегодня улов приличный!

Трое офицеров и ефрейтор, не понимая о чём идет речь, но ясно сознавая свое положение, стояли, подняв руки.

— Свадьбу что-ли здесь играли?— спросил Кравчук.

И неожиданно женский голос ответил:

— Поминки.

Старуха вышла из-за печи и поклонилась низко в ноги партизанам:

— Спасибо, родимые.

В избу шумно ворвался партизан:

— Товарищ командир, куда пленных?

— На базу,—коротко распорядился Кравчук.—Этих тоже,—кивнул на растрёпанных, с красными выпученными глазами офицеров.

Операция была закончена. Светало.

— А где Долбин?—встревожился Кравчук. И все только сейчас заметили, что Ванюшки в избе нет. В суматохе о нём как-то забыли..

Связной командира выбежал на крыльцо. Ванюшка стоял возле плетня, в руках у него что-то блестело.

— Вот она,—сказал он тихо, показывая связному золотую цепочку. Тот удивлённо пожал плечами, пропустив подростка в избу.

— Вот она,—повторил Ванюшка, подавая цепочку Кравчуку.

— Какая вещь!—похвалил командир.

— Это Санькины часы...

— Их папе нарком обороны подарил,—сказал Санька.—Они у мамы были...

Санька взял их бережно, как берут самое ценное, самое дорогое. Для него теперь это были не только часы. Теперь для него это была память о любимых родителях, память о своей полной риска партизанской жизни. Часы лежали у него на ладони и, свешиваясь с неё, в неярком свете лампы блестела золотая цепочка.

Дверь скрипнула, и в хату вошел партизан.

— Товарищ командир,—обратился он к Кравчуку,—наши встретились с какими-то незнакомыми людьми. Называют себя партизанами и требуют провести до вас...

— Что за люди?—спросил Кравчук.

— Не знаю...

— Это партизаны, товарищ командир, чест-

ное слово партизаны... Я знаю,—торопясь, заговорил Ванюшка.

— Откуда ты знаешь?

— Я вчера одного здесь видел, разведчика... Они обещали придти...

— Скажи, пожалуйста!—воскликнул Кравчук.— Да ты тут целый партизанский штаб устроил!

— Как же быть? Привести?—спросил партизан.

— Ведите.

Через несколько минут в дом вошли трое вооружённых людей. Это были Тоня, цыгановатый Иван Смелов и Семён Петрович Коробов.

— Дядя!—крикнул Ванюшка, бросаясь к нему.—Дядя!

Семён Петрович поднял племянника, поцеловал, и на Ванюшку пахнуло теплом родной семьи...

Вместе со всеми на базу отряда «Кровь за кровь» шли Тоня, Иван Смелов и Ванюшкин дядя. Захватив небогатые пожитки, переправлялась к партизанам дожидаться прихода Красной Армии и старуха.

У старых боевых друзей—Семёна Коробова и Кравчука—нашлось о чём поговорить. Вспоминали о прошлом, говорили о будущем, строили планы новых ударов по врагу.

Как-то совсем неожиданно, Кравчук переменял тему разговора:

— А молодец у тебя племяш-то!

— Ничего парень,—улыбнулся Семён Петрович.—Думаю послать его на учёбу.

— Куда же теперь? Время-то такое,—недоумённо пожал плечами Кравчук.

— Есть подходящее место,—ответил Коро-

бов.—На Большой Земле открылись Суворовские училища.

— Дело!—согласился Кравчук.—Только знаешь что, Семён, у меня к тебе просьба...

— Какая?

— Видишь ли, у меня есть ещё один подросток...

— Знаю...

— Ну, так вот...

— Какой же тут может быть разговор,—перебил Кравчука Коробов.—Вместе воевали, пусть вместе и учатся.

О своём решении они объявили ребятам в штабной землянке, когда пришли на базу. Ванюшка и Санька слёзно просили оставить их в отряде, им и думать не хотелось о другом. Зачем учиться, когда война?.. Ведь можно столько дел хороших наделать...

— Воевать у нас есть кому и нам нужны не только рядовые бойцы, но и грамотные, смелые, я бы сказал, отважные офицеры. Вы можете быть такими.

Кравчук встал, оправил гимнастёрку, поправил ремень и заговорил таким тёплым голосом, какого ребята никогда ещё от него не слышали.

— Мне очень жалко, хлопцы, что я не смогу присутствовать при ваших проводах на Большую Землю, и поэтому хочу сказать вам несколько слов. Езжайте, учитесь. Будьте упорны, настойчивы, не бойтесь трудностей, преодолевайте все препятствия, которые встретятся на вашем пути. Я знаю вас и поэтому уверен, что вы станете настоящими советскими офицерами! От души желаю вам этого!

Ребята взяли под козырёк и произнесли давно

знакомые, но каждый раз волнующие дѹшѹ слова:

— Служу Советскому Союзу!

Через неделю Ванюшку и Саньку отправляли на Большую Землю. Ребятам жали руки, желали счастливого пути, успешной учёбы.

Разбежавшись, самолѣт взмыл в воздух и сделал над лесом прощальный круг.

В последний раз Ванюшка и Санька видели в лесу родные партизанские костры.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте Ваши отзывы о содержании и художественном оформлении этой книги, а также пожелания автору и издательству. Учителей и библиотечных работников просим написать о работе, проведённой с этой книгой.

Укажите Ваш адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: г. Чебоксары, Дом печати, Чувашгосиздат, сектор детской литературы.

АГАКОВ ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ

ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА

Повесть

Перевод с чувашского

Художник Л. Осинский

Переработанное издание

Редактор *Н. Стуриков.*
Худож. редактор *М. Ильин.*

Техн. редактор *А. Краснов.*
Корректор *Г. Петров.*

Сдано в набор 1-ХII-1955 г. Подписано к печати 18-1-1956 г. Формат 84 × 108/32.
Объем 7,99 п. л., уч.-изд. л. 5,74. Тираж 35 000 экз. НТ 0,923. Заказ 3624.
Цена 3 руб. 25 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР.
г. Чебоксары, Володарского, 5.

